

Скиталец

Автор:

Игорь Ковальчук

Скиталец

Игорь Ковальчук

Бастард #3

Случайно унаследовав магическую силу королевского рода через своего отца, Ричарда Львиное Сердце, Дик Уэбо обнаружил, что стал объектом преследования со стороны верховного жреца Зла. Темному магу нужна магическая сила Дика, однако для преследования есть и другие причины.

Для того, чтобы вернуть свою невесту, Дик, постепенно овладевающий магическим даром, вынужден покинуть вернувшегося в Англию короля Ричарда и отправиться в другой мир, чтобы найти способ вызволить ее из цитадели врага.

Игорь КОВАЛЬЧУК

СКИТАЛЕЦ

Пролог

Ветер нес с востока запах песка и корицы. Еще полчаса назад он был удушающим и жарким, живо напоминая о тяготах пути через пустыню, но потом широкой полосой потянулись мрачные облака, темно-серые с густой синевой. Легкий ветерок изменил направление и теперь дул с моря, неся с собой

прохладу и свежесть морской воды, а также запах водорослей. Ненадолго на побережье воцарились тишина и покой, которые вскоре должны были смениться неистовством бури.

Волны в мгновение ока налились угрожающим свинцово-серым оттенком. Ветер усилился и вскоре заметался меж валунов с ревом, достойным доисторического чудовища размером с замок. Он, словно взбесившись, рвал в клочья пену на гребнях воли и клонил к земле пальмы. Сети, которые рыбаки не успели снять с шестов, были подхвачены и унесены в море.

У подножия невысокой, но обрывистой скалы волны били в берег; начал сечь косой дождь, однако даже он не мог усмирить бушующее море. Под могучими ударами волн иногда раскалывались валуны. На побережье Сирии бури, как и дождь, случались нечасто, особенно такие сильные, и никто, конечно, не догадывался, что непогода привлечена в Палестину магической силой некоего уроженца Корнуолла. Впрочем, даже если бы крестьяне и узнали об этом, они бы не заинтересовались. Какое им дело до магических сил? Тем более – до причин благословенного дождя.

Сидящий на скале человек все кутался в плащ, натягивал мгновенно промокший капюшон на голову поеживался, когда струи или ветер начинали хлестать особенно сильно, но не уходил. Он сидел на самом юру, и казалось настоящим чудом, что его оттуда все еще не снесло. Потом ветер ослаб, но усилился дождь. По скалам вниз катились мутные потоки. Казалось, что на этом обыкновенно выжженном солнцем побережье в одночасье появился миллион рек, а может, даже и больше. Но жизнь этих потоков была так же коротка, как и существование пылинки в пламени свечи.

Перед тем как утихнуть, ливень усилился. Он хлестал прямо в лицо сидящему, но тот и не шевельнулся. Когда потоки воды, стекающей с вершины, стали напоминать полноводные реки, из-за камня, похожего на нелепо приплюснутый гриб, появилась огромная черная змея с опаловыми бликами на длинном теле. Она свернулась клубком и замерла. Вода, омывавшая ее, превратила матовую чешую в нечто мягко искрящееся, и, как обычный окатанный прибоем камешек в воде подобен изысканному полудрагоценному камню, а на воздухе становится скучным серым булыжником, так и огромная змея превратилась в подлинное произведение искусства.

Может, именно потому она и не внушала никакого страха. Хотя бояться змей – в крови человека.

Потом ливень превратился в дождь, а дождь – в мелкую морось, которая тоже скоро иссякла. С моря потянуло холодным ветерком. Промокший до нитки человек вздрогнул – должно быть, от холода – и повел плечами.

В тот же миг змея встала с земли в облике девушки с бледной матовой кожей и черными волосами до плеч. Длинное синее платье, широкий плащ неопределенного цвета – обычная одежда небогатых людей. Единственное, что удивило бы стороннего наблюдателя, если б ему удалось рассмотреть подробности, – поверх простенькой ткани на девичьей груди сиял крупный драгоценный камень, а у пояса висел кинжал в ножнах.

– Ты весь промок, – сказала она сидящему мужчине. – Замерзнешь.

– Как промок, так и высохну, – хриловато ответил он, поднимаясь. – Боже, я об этом мечтал почти год.

– Меньше, родной. По нашему времени мы провели в Сирии одно-единственное лето. – Она помолчала. – Как ты себя чувствуешь?

– Уже значительно лучше.

Мужчина встал и зашагал в сторону суши. Склон был пологим, лишь в двух местах пришлось прыгать.

В пещерке с низким сводом, в которую вел узкий, неудобный проход, горел костер. Дождь вполне мог добраться даже сюда, потому что проход был хоть и тесным, зато коротким. Но на сухом песчаном полу не оказалось ни одной капли. Костер потрескивал весело и умиротворенно; над двумя горящими поленцами, пристроенный со знанием дела, висел котелок с похлебкой. В стороне, задумчиво пережевывая овес, стояли две лошади – обычный мерин и иссиня-черный, дивно красивый арабский скакун, укрытый от ветра попоной.

Сбросив мокрый плащ на пол, мужчина стал без стеснения раздеваться и отжимать одежду.

– Где ты раздобыла овес? – спросил он девушку-змею.

– Наколдовала, – спокойно ответила она. – Главное, что кони довольны.

– Молодец. А одежду просушить можешь?

Он отжал рубашку и, развернув, встряхнул ее над костром. На углях зашипели капли воды.

– Могу. Но не стану. Тебе следовало раньше думать.

– Хорошо. Тогда буду красоваться перед тобой голый.

– Ничего. Я не падаю в обморок при виде обнаженного мужчины.

Он разложил свою одежду возле костра – на сумках, заготовленном валежнике, просто на песке – и подсел к огню. Тепло охватило его, и на короткое время он почувствовал себя на вершине блаженства. Но ненадолго. Скоро слишком близкое пламя стало обжигать колени, и он отодвинулся. Повернулся к костру спиной.

– Что, решил подрумяниться с разных сторон? – фыркнула девушка.

– Пожалуй... Кстати, ты не пыталась связаться с Трагерном?

– Нет. А ты?

– Я пытался. Мне не удалось. Почему – не знаю, хотя теперь и я склонен с тобой согласиться – он жив. Должно быть, чудом оказался вместе со своими друидами в каком-нибудь тайном, хорошо защищенном убежище. Все-таки я еще не до конца восстановил силы.

– Боюсь, ты их вообще не восстановил, родной. Тебе нужно на Кипр, искупаться в твоём источнике, иначе никак. – Она помолчала, потянулась к котелку и помешала варево ложкой. Пламя почти касалось ее руки, но боли девушка словно бы совсем не чувствовала. – Я, честно говоря, поражена, что ты вообще жив. Не представляю, как ты смог выдержать схватку с Далханом. Да еще заставить его улизнуть первым. Я думала, это невозможно.

– Магический дар, сама понимаешь.

– Твой магический дар – обычная сила медиума, ничего больше. Да, ты в силах набрать и выплеснуть большой объем энергии, но, чтобы на его основе создавать сильные заклинания, надо долго учиться.

– Так уж и медиум. А природное умение перемещаться между мирами?

Девушка задумалась. Она попробовала варево и решительно сняла котелок с огня.

– Об этом я не подумала. Возможно. Но, во-первых, умение перемещаться между мирами у тебя не совсем природное, а во-вторых, учиться все равно надо.

– Так я учился.

– Да сколько ты там учился! Год в диаспоре друидов, потом кое-чего нахватался от меня. Несерьезно. Чтобы стать настоящим магом, надо пару десятилетий потратить на учебу.

– Зачем, если я и так справился с Далханом?

Она вздохнула, но не ответила ничего. Впрочем, ее неодобрение мужчины прекрасно чувствовал и сам. Рассмеявшись, он поднял ладонь.

– Да я не спорю! Не отказываюсь учиться. Я просто шучу.

– Дошутишься... Бери ложку.

– Мясо там есть? – Он запустил ложку в котелок.

– Дик, ну ты что. Какое тебе мясо? Откуда я его возьму? Скажи спасибо за капусту.

– Спасибо. Но мяса все-таки очень хочется.

– Можем съесть твоего мерина. Пойдет?

– Я не хочу конины. Я хочу свинины.

– Ну и хоти. Привередливый мой.

– А еще я хочу тебя.

Она посмотрела на него с ласковым терпением, свойственным добрым матерям. Какое-то время они молча ели из одного котла, стараясь не зацеплять ложку ложкой, а потом он оделся в подсохшую нижнюю одежду, решив, что досушит на себе. Девушка не имела ничего против того, чтобы ее обняли, но прикосновение холодной мокрой рубашки никому не придется по вкусу. Она покосилась на спутника, пробормотала: «Не мытьем, так катаньем...» – и жестом руки высушила ему одежду. Правда, только ту, что была на нем.

– Что будем делать? – через какое-то время спросила она.

– Неторопливо собираемся и отправляемся в Италию.

– Почему в Италию?

– Потому что оттуда ближе к Германии. Можно будет обновить багаж слухов.

Девушка склонила голову набок и частым гребнем, купленным накануне в ближайшем селении, принялась расчесывать волосы. Густые пряди цвета мокрой змеиной кожи в свете костра скоро заблестели, как дорогой шелк. Хоть и одетая в самое простое платье, она выглядела изящной, как дочь короля, и прелестной, как мечты юного рыцаря.

– Ты уверен, что слухи верны? – проговорила она, помолчав.

– Насчет судьбы короля? Увы. Кажется, все так и есть, как говорят.

– Но как такое могло случиться? Как можно взять в плен короля самого могущественного королевства Европы, если он посреди своего войска...

– А он не находился посреди войска. В том-то и дело. Помнишь его поведение во время путешествия по Италии?

– Конечно, помню.

– Тогда ему повезло. Но, должно быть, государь решил, что ему будет везти до смертного часа. И в результате оказался в плену.

Девушка смотрела на своего спутника с тревогой.

– И что ты собираешься делать?

– Сперва надо выяснить, что именно произошло. Кто предал короля, если его кто-нибудь предал. Куда и как его увезли. И кому это выгодно.

– Ну и как же ты будешь это узнавать?

Дик неотрывно смотрел на огонь. В оранжевом свете черты его лица обострились, словно осунулись от усталости или горя, губы сжались. На самом деле никакого горя он не испытывал – только решимость.

– Кое-что я уже узнал, – сказал он.

Глава 1

Два месяца понадобилось гонцу, чтобы из французского графства Нормандия добраться до Кипра с известиями, предназначенными королю Английскому. Командор тамплиеров, обосновавшийся в лефкосийском замке, потребовал гонца к себе и беседовал с ним больше часа. Хотя все это время оба угощались лучшим кипрским мавроном, гонец стойко держал при себе свои тайны. Он пересказал тамплиеру только те французские и английские новости, которые в Европе давно были известны всем. Командор, не так давно благополучно уморивший Исаака Комшша, бывшего императора Кипра, а потому чувствовавший себя совершенно свободным от дел, решил вместе с гонцом «прогуляться» в Сирию.

Ему хотелось увидеть выражение лица короля Ричарда.

Выражение превзошло все его ожидания. Созерцая, как его величество то краснеет, то бледнеет, командор испытал глубокое наслаждение и счел себя отмыщенным (еще год назад Ричард как-то походя оскорбил командора, даже не заметив этого, но тамплиер-то ничего не забыл...).

А новости и в самом деле были не самые приятные. Во-первых, выяснилось, что графу Моргену, то есть Иоанну Безземельному, в простонародье известному как принц Джон, надоело сидеть и покладисто ждать возвращения брата, который некогда обещал со временем выделить ему какое-нибудь королевство в Сирии. Больше всего на свете Иоанн желал, чтобы его брат и вовсе погиб на Востоке. В этом случае корона вполне могла оказаться на голове самого младшего сына Генриха. Но всем известно – человек верит в то, во что хочет верить. Принц верил, что его брат погибнет, и забыл, что это лишь его желание. Он решил, что именно так все и произойдет.

А раз дело обстоит подобным образом, то не следует терять времени. Ричард, считая себя слишком молодым, чтобы думать о завещании, не распорядился о том, кого в случае его смерти считать наследником – Иоанна, младшего брата, или Артура, малолетнего племянника. Кто должен это решить в случае гибели короля в Сирии, было неясно, но Иоанн понимал одно – если он еще до этого «печального» и такого долгожданного события захватит в Англии власть, вопросов ни у кого и не возникнет.

Но как же быть с клятвой, данной Иоанном Ричарду, – не совать носа па Британские острова до возвращения воинов из похода в Святую Землю?

Принц думал недолго. В конце концов, нарушение клятв было для него привычным делом, как и для всех представителей европейской знати (впрочем, дела на Западе обстояли не лучше чем на Востоке), и он быстро нашел лазейку. Ведь во Францию уже вернулся король Филипп-Август! Не так ли? Так. Он был в богоугодном походе? Был. Значит, поход закончился, а клятва выполнена. Значит, хитроумный принц может вернуться в Англию.

Там он первым делом выгнал в три шеи ставленника своего брата – Вильгельма Лоншана, канцлера и юстициария, назначенного наместником. Лоншан едва успел избежать казни, а принц начал распоряжаться, как в собственной вотчине.

Разумеется, снабжать воюющего в Сирии брата деньгами он не собирался. С чего бы это? А вдруг тот погибнет? И куда в таком случае денутся деньги? Пропадут? Может, король уже погиб. Зачем зря волноваться?

Но и это было еще не все. Добравшись до Парижа, Филипп-Август вздохнул свободнее, пересчитал имеющихся у него солдат, деньги и вассалов, после чего объявил свою клятву не воевать против Англии, пока не вернется Ричард, недействительной. И напал.

Что ж ему – в самом деле ждать, пока английский правитель всласть навоюется в Сирии?

Да и глупо это. Клятва клятвой, а королевское достоинство – королевским достоинством. Филипп-Август счел свое королевское достоинство ущемленным.

От такого известия Ричард стал равномерно-малиновым, и Эдмер Монтгомери решил, что короля сейчас хватит удар. Он поддержал было сюзерена за локоть – и едва увернулся от мощной оплеухи. Хоть и граф, он не был застрахован от подобного обхождения со стороны короля. Приходилось мириться.

– Fumier![1 - Дерьмо (фр.)] – завопил его величество. – Grue! Salope![2 - Кокотка! Распутница! (Фр.)]

Придворные переглянулись. Вне всяких сомнений, все сказанное относилось к королю Французскому, и хоть ругательства звучали несколько не в тему, никто из сановников и не подумал заступиться за Филиппа-Августа, то есть объяснить своему суверену, что обзывать Капетинга женщиной... да еще легкого поведения по меньшей мере несправедливо. Иметь дело с разъяренным королем было попросту опасно. Этак можно схлопотать под горячую руку.

Что, в конце концов, вассалам английской короны до репутации французского государя?

Правда, покричав немного, Ричард Львиное Сердце глубоко задумался.

– Но, государь, – осторожно возразил граф Суссекс. – Вы не можете так просто покинуть Сирию, где уже полстраны пало к вашим ногам. Допустимо ли оставить

Иерусалим в руках сарацин, когда до него – лишь один шаг?

В аду вопит тот, кто последним посмел указать, что я могу, а чего нет! – крикнул король, и графу стало очень не по себе. – По-твоему, я должен безропотно отдать свое наследие этому надутому индюку? Этому a set avoiton de tribu Capete? Pourquoi donc?[З - ...выкидышу племени Канет? С какой стати? (Фр.)]

– Государь, я...

– Молчать, Суссекс! Пока еще я – ваш король!

С этим никто не стал спорить.

Принимать решение было мучительно. Больше всего король желал быть одновременно в двух местах. В Нормандии – чтобы наподобие своего предка Рольфа де Маршала, первого герцога нормандского, всадить длинную иглу в жирную задницу французского короля. Но и здесь, в Сирии, ему тоже хотелось находиться, причем неотлучно. Ему казалось, что Сирия – осенняя яблоня: стоит лишь потрясти как следует, и города спелыми яблоками сами попадают в его корзину.

Первая мысль была о маге – если кто VI в состоянии сделать так, чтобы король смог поспеть и там и там, так это лишь он. Но Дик Уэбо, граф Герефорд, совершал паломничество и до сих пор не вернулся. Предполагать можно было что угодно – в том числе и то, что он не вернется уже никогда. Дороги охваченной войной страны всегда очень опасны.

Вторая мысль была о том, что во Франции осталось некоторое количество его войск. Пока Филипп-Август будет брать один замок за другим, он истощит свои силы в боях (ведь французский король – не самый талантливый военачальник), и тогда-то из-за моря накатит на него волна английских войск...

Конечно, добрая половина солдат в армии английского короля говорила на разных французских диалектах, но это не имело никакого значения. В те времена нападали не на страну, а только на конкретного барона или графа или короля, и воюющие никогда не делились на англичан и французов или, скажем, французов и испанцев – только на своих и чужих. Вчерашний враг на следующий день мог по каким-нибудь своим соображениям перейти на другую сторону – и

немедленно становился союзником. До «великих отечественных» войн было еще очень далеко.

Поразмыслив, Ричард просветлел лицом. Он решил, что и в самом деле, если уж Сирия так просится в руки победителю, лучше быстренько захватить Иерусалим и тогда возвращаться в Европу. Король не сомневался: потребуется совсем немного времени, чтобы разделаться с султаном, а потому приказал готовить корабли.

Знать приуныла. В первую очередь новость заставила погрузиться тех графов и герцогов, которые были спокойны за свои земли, поскольку те располагались не во Франции, а на Британских островах. Им, конечно, не было дела до земель французских братьев. Куда больше интересовали их собственные приобретения. Лишь тогда королевство Иерусалимское могло стать королевством, когда Иерусалим оказался бы в руках франков. И лишь тогда Генрих Шампанский принялся бы на радостях одаривать всех землями направо и налево.

А новые земли – это новые доходы. Кто ж откажется?

Противоречить королю Английскому было опасно, но иногда жажда наживы оказывается сильнее страха смерти. Несмотря на всю свою репутацию жестокого тирана, король не сомневался: его вассалы не станут подчиняться, на подготовку к отплытию они смотрят косо. Они мечтали подмять под себя Сирию. А еще неплохо было бы заполучить в свое распоряжение сокровищницу султана и его гарем.

Знать всегда охотно исполняла лишь те приказы, которые были ей по вкусу.

Королям, даже самым жестоким, приходилось идти на уступки.

Франкские войска неправдоподобно быстро собрались под стенами Акры и, на этот раз не заходя в Яффу, отправились через пустыню напрямик к Святому Городу. Мрачный Ричард, ехавший верхом на своем огромном черном жеребце, невольно поглядывал по сторонам. Он думал о том, что его «придворный маг» и превосходный телохранитель все-таки может попасться ему на глаза. Вдруг он не погиб, вдруг просто заплутал в пустыне? Или задержался в Иерусалиме у какой-нибудь покладистой девицы? Король слишком привык видеть рядом его

неизменно спокойное лицо. То, к чему он привыкал, быстро становилось законом (Ричард умел настоять на своем), и отсутствие Дика раздражало короля не меньше, чем все остальное.

Саладин прекрасно понимал, куда будет нацелен следующий удар франков, уже успевших овладеть прибрежными городами. Если в руках врага оказались все торговые центры от Берута до Дарумы, все караванные дороги и морские торговые пути – значит очередь наконец дошла и до Святого Города с его христианскими реликвиями. Когда султан понял, что Даруму ему не удержать, он поспешил перебраться под Иерусалим и приказал рыть укрепления. Да побольше, да повыше, да побыстрее...

И пока в Тире претенденты на иерусалимский престол делили вдову бойкого Конрада де Монферра, вокруг Святого Города росли валы и углублялись рвы. Сарацины работали день и ночь, таская камни и землю, а из Египта и Месопотамии постепенно прибывали войска. Правда, не так много, как хотелось бы султану, но он не падал духом.

А король тем временем ехал по пустыне и размышлял. Он все еще сомневался, что решил правильно. Бог его знает, что успеет начудить Филипп-Август в его французских владениях. Равно и младший брат способен на многое. Иоанн на фоне своих буйных братьев, постоянно воевавших, мирившихся, опять ссорившихся или что-то деливших, казался тихоней. Но не зря поговорка «В тихом омуте черти водятся» есть почти в каждом языке – младший сын Генриха начал с отца, а теперь и брата поражал своим поведением. Ричард, который никогда ни с кем не считался (и сам, сказать по правде, на месте брата поступил бы так же), теперь лишь воздевал руки к небу. Он не притворялся, что изумлен наглостью и бессовестностью брата – он действительно был поражен.

Впрочем, общеизвестно, что любой порок куда труднее простить ближнему, нежели себе.

Ричард помнил, как чуть более трех лет назад Иоанн, почувствовав, что рука отца-короля ослабела (и, кроме того, за много лет убедившись, что батюшка, хоть и топает ногами, и угрожает, на деле все спускает сыновьям), решился на участие в заговоре. Его расчет был верен – дело не дошло даже до встречи на поле боя лицом к лицу. Генрих, в самое сердце пораженный предательством любимого младшенького отпрыска, скончался.

Впрочем, благородный сын и наследник Жоффруа Плантагенета и сам был виноват. В течение десяти лет он тиранил сыновей, не считаясь ни с их чувствами, ни с самолюбием. Когда же то один, то другой сын, то все разом восставали против него, воюя, пока хватало сил и гонора, а потом прося прощения, Генрих охотно прощал. Он мнил себя великодушным, а на самом деле просто не понимал, что нельзя быть и тираном, и добряком одновременно. Он не умел справляться с неожиданно возникшими перед государством трудностями, опасался непокорных, властолюбивых сыновей. Сперва провоцируя бунт, а потом прощая, он будто косвенно намекал своим отпрыскам, что бунтовать можно.

Из всей этой истории Ричард вынес твердое убеждение: никому и ничего нельзя прощать.

Так что нынче он жалел лишь о том, что, когда братец впервые оказал ему сопротивление, он не пресек его в зародыше. И опасался Иоанна в первую очередь потому, что слабо себе представлял, чего ожидать от этого тихони.

Слухи о поведении принца доходили до него и раньше – правда, сперва Иоанн не рисковал распоряжаться Лоншаном, наместником, – и Львиное Сердце потихоньку подумывал «слетать» в Англию, оставив кого-нибудь за себя. Мыслью он поделился всего с парой своих приближенных, те – еще с парой, и через несколько дней до Плантагенета добралось известие, что знать уже выбрала себе предводителя на случай, если король решит привести свой смутный замысел в исполнение. И этим предводителем был объявлен Конрад де Монферра.

Ричард внутренне взбесился, увидев в намерении соратников выбрать вице-короля лишь попытку обрести самостоятельность, которую он собирался пресекать. Но свою ярость, как ни странно, не показал, отнесся к новости почти равнодушно, и в этом хорошо знающие Ричарда люди позже нашли лишнее подтверждение слуху, будто именно он приказал убить короля Иерусалимского. Известие о смерти Конрада де Монферра добралось до Акры через пару дней после собрания знати. Тогда о наделении Конрада особыми правами еще даже не было объявлено.

– Вам следовало бы решительно объявить о своем отношении к этому убийству, – осторожно сказал Монтгомери своему суверену.

– Тебя ничему не научила судьба предшественника? – лениво спросил Ричард, припомнив между прочим, что когда-то казнил прежнего главу дворцовой стражи. – Не тебе указывать, что мне следует делать, а что нет.

– Кто же скажет вам правду, раз уж под рукой нет Герефорда...

Король метнул на Эдмера предостерегающий взгляд, и тот не решился продолжать. Лишь осторожно добавил:

– Ваше отношение к этому убийству...

– Я очень рад этому убийству и не вижу причин скрывать это. Де Монферра правильно сделал, что умер. Плакать по нему никто не будет. – Ричард слегка усмехнулся. – Даже его жена.

– Но обвинять в его смерти будут вас, государь.

– Пусть обвиняют, – нетерпеливо отмахнулся он и отослал Эдмера. – Доказательств ни у кого нет.

Король Английский действительно был очень рад. Его беспокоило растущее влияние Конрада, а наглая и беспринципная ловкость последнего вызывала у Плантагенета смутную зависть. И Ричарда совершенно не волновало, обвинят его в убийстве Конрада или нет. Кто и как сможет потребовать от него ответа?

– Всем известно, что де Монферра убили исмаелиты, ассасины-убийцы, рабы Старца Горы. Кто может подозревать меня в том, что их отправил я? Разве они подчиняются моим приказам? – холодно возразил король на чей-то осторожный намек. – О чем же говорить?

Он считал, что привел весьма веский довод. Поэтому беззастенчиво воспользовался своевременной смертью Конрада, чтобы посадить на трон иерусалимского королевства своего родича и вассала. И теперь знал, что Генрих Шампанский будет ему верен, довольствуясь тем куском, который ему предназначен, и исполняя указания Англичанина.

Но, даже имея в Тире своего человека, королю Английскому не хотелось оставлять Сирию, не завоевав ее окончательно.

Войско встало лагерем все у той же Бэйтнубы – а по-гречески Бетанополиса, – откуда до Иерусалима было рукой подать. Уже второй раз Ричард смотрел с вершины Модинской возвышенности на Святой Город, который никак не давался ему в руки. Иногда от досады королю хотелось зареветь, словно раненому кабану, но он лишь скрипел зубами. Сарацины, чувствуя за спиной последний и самый лакомый для франков город, дрались как сумасшедшие. Но самое главное – за зиму Саладин снова набрал армию, может, не слишком многочисленную, но со свежими силами. Теперь под началом у султана было приблизительно столько же солдат, сколько у франков год назад.

Тогда французы и англичане потеснили и почти разбили сарацин. Но это было год назад. Теперь у Ричарда не было тех сил, что раньше.

Иерусалим окружали скалы с узкими проходами между ними. За год сарацины возвели среди естественных укреплений искусственные, и стало ясно – с налету город не взять. Теперь Святой Город имел несколько кругов обороны, не хуже, чем самый неприступный европейский замок, а отсутствие воды – то есть рвов – вполне возмещали лишние стены и валы. Да и небольшое количество родников и колодцев играло немалую роль – попробуй драться, если в горле ежом засела жестокая жажда.

На совете, который Ричард собрал в угоду традициям, вовсе не ожидая, что кто-нибудь сможет предложить ему что-то ценное, знать раскололась на два лагеря. Половина носителей громких титулов настаивала на дальнейшей войне в Сирии, требовала немедленного захвата Иерусалима, чего бы это ни стоило. Вторая половина твердила, что Святой Город не взять, что укрепления неприступны, воды слишком мало, солдаты устали – словом, пусть Саладин подавится Иерусалимом, побережья пока вполне достаточно для того, чтобы получать значительные доходы, и вообще, не пора ли навеститься на родину?

Легко догадаться, что настаивавшие на возвращении были французами, всерьез озабоченными судьбой своих имений и замков.

Словно очнувшись ото сна, король Английский с недоумением оглядел присутствующих, будто видел их впервые. А они совсем забыли о своем короле –

их спор уже перешел в скандал. Каждый поминал соседу все его грехи, в том числе и не имеющие отношения к войне. Косточки, кажется, перемывались уже и отсутствующим родственникам – и все это на повышенных тонах.

– Молчать! – рявкнул Ричард, стукнув кулаком по подлокотнику кресла. Подлокотник треснул.

В шатре мгновенно воцарилась тишина. Голос у государя Английского был такой зычный, что мог, наверное, перекрыть даже трубы Иерихона. А уж вопли ссорящейся знати – свободно.

Король оглядел графов и герцогов хмурым взглядом и бросил:

– Еще три дня. – Он незаметно поморщился. – Если за три дня город не будет взят, мы снимаем осаду и возвращаемся в Акру. Где и сядем на корабли.

– Но как же так! – Гийом де Дрэ, который все еще мечтал о богатых владениях, пусть даже и в Сирии, побагровел.

– Через три дня мы снимаем осаду – я сказал.

– Если государю Английскому угодно уйти, пусть так и будет. – Сеньор де Дрэ набрался смелости так говорить с Плантагенетом лишь потому, что не был его вассалом. Ну и еще потому, что мечта, которая вот-вот должна была осуществиться, опять ускользала от него. – Но мы, истинные христиане и добрые рыцари, останемся отстаивать Гроб Господень.

И тут Гийом осекся – он увидел глаза Ричарда. Из-под черных бровей англичанина на французского барона смотрела сама смерть, и деньги, владения и положение в обществе сразу показались де Дрэ сущей ерундой.

– Если барон не подчиняется приказу короля, – медленно сказал Плантагенет, – он становится мятежником...

И ничего не стал добавлять. Все было понятно, причем не только французам, но и всем остальным. Графы и герцоги, достаточно влиятельные и могущественные, чтобы иметь собственные армии и быть практически независимыми от воли кого

бы то ни было, ощутили себя мелкими букашками на безбрежных песках. Это было для них непривычно и оттого смирило их особенно быстро.

Через три дня, так и не взяв Иерусалима, армия Ричарда оставила Бэйтнубу и вернулась в Акру. То, что на ближайшие несколько лет война закончена, было очевидно всем, в том числе и султану. Дело осталось за малым – заключить перемирие.

Почувяв лишнюю возможность для себя выторговать какие-то преимущества, Саладин решил набраться терпения. Эта война надоела ему не меньше, чем Филиппу-Августу, который воспользовался первым же предложением, чтобы вернуться во Францию. Огромное сирийско-египетское государство волновалось. То на юге, то на востоке вспыхивали очаги недовольства и мятежа – как всегда, если не прошло и столетия после образования нового государства. Мир был выгоден султану – он мог воспользоваться им, чтобы навести порядок у себя в стране. Но упускать свое он не желал и, кроме того, как государь просто не мог себе этого позволить.

Переговоры заняли несколько дней. Поэтому наряду с решением важных вопросов два правителя вместе пировали, любезно общались через переводчика и наслаждались зрелищами, которые только мог предложить им обоим пышный двор султана. Иногда на подобные трапезы Ричарда сопровождали супруга и сестра, а Саладина – его любимая наложница, которая ничего не ела просто потому, что не могла – густая паранджа не позволяла ей даже отпить из бокала.

В какой-то момент, обсуждая с султаном эту войну, король Английский предложил ему в жены Иоанну. В Европе брак был самым простым способом заключения мирного договора, неважно, заключался ли он между двумя королями или между мелкими дворянами, не поделившими заливной луг (надо сказать, во втором случае подобный мир, как правило, оказывался прочнее). Для Саладина, впрочем, такой обычай тоже был не совсем чуждым, только на Востоке союз через брак воспринимали несколько иначе.

Но жениться на христианке?

Но выдать вдовствующую королеву Иоанну замуж за мусульманина?

Присутствующие на пиру христиане и мусульмане переглянулись.

Султан прекрасно владел собой. Он помолчал, после чего спокойно заметил, что уже имеет четырех жен, положенных по закону, и больше не может вступать в брак.

– Но у тебя есть сын! – воскликнул Ричард.

Да, есть... Даже не один. И старший, Малек Адель, наследник, пожалуй, мог бы жениться, поскольку пока имеет только двух жен. И королева могла бы даже считаться его старшей женой – из уважения к ее высокому происхождению и богатому приданому.

Но разве такое возможно?

Малек Адель, присутствующий на этом пиру, невольно взглянул на королеву Иоанну. Выросший на Востоке, он не привык смотреть в лицо женщинам, если они, конечно, не были его женщинами, и потому до сей минуты не обращал внимания на сестру английского короля. Перспектива женитьбы на вдове сицилийского правителя не так угнетала его, как то, что она была христианкой, то есть неверной, которая всю жизнь ходила с непокрытым лицом, словно блудница. С другой стороны, он не мог не оценить красоту ее бледного лица и яростный блеск прелестных глаз.

Иоанна впервые за свою жизнь подняла на брата глаза. Ее взгляд нельзя было назвать кротким. Она промолчала, тем самым признавая, что брат имеет право распоряжаться ею, но бешенство, отразившееся в глазах, удивило Ричарда. Он никогда не думал, что Иоанна хоть когда-нибудь осмелится так на него посмотреть.

Впрочем, не она одна на это осмелилась. В шатре поднялась сушая буря. Мусульмане доказывали, что Малек Адель может жениться на вдовствующей королеве лишь в том случае, если она обратится к истинной вере, то есть мусульманству, а христиане твердили, что даже мысль о подобном брачном союзе невозможна. Хоть и захваченный своей замечательной идеей (в конце концов, Сирию можно было бы взаимовыгодно поделить с Саладином, а потом вместе, в добром союзе разгромить всех врагов как английского короля, так и султана – со временем), Ричард понял, что предложение его не принято ни одной, ни другой стороной.

На то, с каким облегчением вздохнула Иоанна, он, конечно, внимания не обратил.

Переговоры растянулись на целую неделю. По ходу дела стало ясно, что Саладин если и смирился с потерей большей части прибрежных торговых городов, то уж от последнего не намерен отказываться. Султан заявил, что, пока не будут скрыты укрепления вокруг Аскалона, Газы и Дарума, война продолжится. Непонятно было, кому же на самом деле сейчас принадлежат эти города. Вроде бы франки их благополучно захватили и удерживают, но, с другой стороны, войска султана стоят почти под стенами, и практически некому оказывать им сопротивления, если война пойдет своим чередом.

И если вокруг этих городов не будет укреплений, сарацины легко возьмут их.

Но Ричарду нужно было перемирие. И, решив, что, если понадобится, все три города можно легко вернуть обратно, король Английский согласился. Был отдан соответствующий приказ, и те же солдаты, которые всего год назад, ругаясь на чем свет стоит, таскали на валы камни, теперь должны были растаскивать их прочь от города.

Далее пошло обсуждение совсем уж несущественных дел – где, сколько и каких войск можно поставить, когда и каких купцов пропускать, сколько податей с них брать и так далее. О древе Честного Креста, которое франки всегда категорически требовали вернуть им, больше не поминали, словно его и не было. Не до Честного Креста было и даже не до Гроба Господня – решались важные денежные вопросы.

Король Английский благополучно заключил с Саладином мир на три года и восемь месяцев. Разговаривая с султаном, Ричард, как никогда в своей жизни, был уверен, что на этот раз договор будет соблюден – правитель Сирии все больше и больше внушал ему доверие и симпатию. Этот мусульманин очень нравился правителю Англии и производил впечатление настоящего рыцаря без страха и упрека.

Прощальный обед в акреком замке был пышным и обильным. Саладин даже согласился понюхать вино в кубке, который ему поднесли, а потом церемонно сплеснули в огонь. Судя по выражению лица султана, запах внушил ему отвращение – так любому человеку, никогда в жизни не пробовавшему

спиртного, запах вина кажется омерзительным, – но все-таки он вежливо согласился, что напиток хороший. Сперва перед государями и их свитой пели франкские менестрели, затем сирийские певцы, сладкоголосые не по-мужски. Конечно, разговаривали «сильные мира сего» исключительно через переводчика. Но оказалось, что и подобная беседа может быть увлекательной.

А на следующий день Саладии вместе с армией отправился по своим делам, прочь от городов и замков, завоеванных франками.

Ричард с торопливостью, достойной разве что купца, улаживал сирийские дела. Он отдал распоряжения Генриху Шампанскому (с тех пор как граф надел корону иерусалимского царства, следовало именовать его Иерусалимским, но старое прозвание оказалось живучим), а потом дошла очередь и до Ги де Лузиньяна с его проблемой. Ричард согласился, что дальнего родственника, привыкшего к королевским почестям, оставлять без короны как-то... нехорошо. Но судьба королевства Иерусалимского была решена раз и навсегда, а Кипр уже поручен заботам тамплиеров (в извинение за оскорбление, нанесенное одному из рыцарей-монахов этого могучего ордена), и невозможно отнять у них этот богатый остров просто так.

Недаром же в Европе ходили сплетни и шутки: мол, уж если монах во что вцепился, ни за что не отпустит. Сие утверждение всецело могло быть обращено и в адрес рыцарственных монашеских орденов, пусть даже их служители облачены не в сутану, а в доспехи.

Что ж, оставался лишь один путь – выкупить Кипр у ордена. Остров мог потянуть на изрядную сумму, но де Лузиньяну очень хотелось царствовать. Он согласился.

Король Ричард распрощался с Генрихом Шампанским, который, в восторге от того, что остается в стране полноправным и единственным хозяином, без бдительного присмотра своего царственного благодетеля, охотно набил трюмы английских кораблей отборными продуктами и преподнес прощальные дары. Ценность их была вполне соразмерна радости расставания.

Попрощаться пришла и королева Иерусалимская. Толстушка Изабелла снова повеселела – она довольными, сытыми глазами следила за мужем и, похоже, не сожалела, что все так обернулось. Супруг, желая поскорее обзавестись наследником, а лучше даже несколькими – про запас, – посещал жену очень

часто, почти каждую ночь. Он не скупился задабривать ее подарками, обходился с ней любезно, и младшая дочь Балдуина совсем перестала грустить о своем тихоне Готье Торонском, первом муже, – ее вполне устраивал третий. И теперь, болтая с придворными дамами, она нередко, смеясь, шутила, что Бог, должно быть, и в самом деле любит троицу, а значит, «три» – удачное число.

Может быть, поэтому Изабелла равнодушно отнеслась к тому, что в Тир, осмелев после гибели Конрада де Монферра, вернулся «ее» Готье. Она его уже забыла...

Глава 2

– Так это правда? – спросила Серпиана.

– Что именно, милая?

– Что Конрад де Монферра развел Изабеллу с мужем? Я думала, это невозможно, чтобы супругов разводили по желанию кого-то третьего.

– Вообще-то в нашем мире расторгнуть брак очень сложно. Почти нереально. В этой ситуации развод был незаконным.

– А что за ситуация?

– Ты не знаешь этой истории? Мне казалось, ее все знают.

– Раньше я не интересовалась. Так что там произошло?

– Да очень просто. Все получилось из-за того, что у последнего короля Иерусалимского, Балдуина, не было сына. Вернее, был, но умер еще ребенком... Неважно. Важно то, что после Балдуина осталось две дочери – Сибилла и Изабелла.

– Сибилла старшая?

– Да. Она вышла замуж за Лузиньяна.

– Это я слышала. Потом она умерла, и ее вдовец загремел с трона.

– Именно. Хотя звучит довольно вульгарно. Когда умерла Сибилла и господа графы и герцоги, которые были недовольны Лузиньяном, стали оспаривать его право на трон, Конрад Монферратский, который никогда не упускал своего, тут же понял, чем пахнет. Из сестер в живых осталась только Изабелла, вот ее он и решил прибрать к рукам. Налетел на дом де Торона, супруга Изабеллы. Думал убить соперника, но тот сбежал. К своему счастью.

– Как романтично, – рассмеялась девушка.

– Было бы романтично, если б ссора вышла из-за женщины. Но Конраду было наплевать на Изабеллу. Ему нужна была ее корона.

– Да я понимаю...

– Таким вот образом маркиз оказался в дурацком положении. Изабелла-то здесь, а муж ее – незнамо где. Поди его поймай. А поймать надо, чтобы убить. Но поскольку у де Монферра в запасе оказалось очень мало времени – свои права надо было предъявлять поскорее, пока знать еще не распорядилась судьбой короны, – он решил сделать свою жертву не вдовой, а разведенной. Созвал духовный совет...

– Какой?

– Духовный. Совет высших духовных чинов, какие оказались под рукой. Епископы, архиепископы, один кардинал. Конрад их собрал и побеседовал с ними. Не знаю, о чем и как. Но в результате все эти священники проголосовали на удивление дружно и заочно развели Изабеллу с ее супругом.

– Так это было законно? – с любопытством спросила Серпиана.

– Ни в коей мере. Подобное решение должен принимать Папа. И надо сказать, Папы очень неохотно дают согласие на развод.

– Чей папа должен был решать? Конрада?

Дик от смеха опрокинулся на спину.

– Папа – глава католической церкви. Он – преемник святого Петра, наместник Бога на земле.

– А кто его назначает? – Девушка улыбалась.

– Конклав. Совет кардиналов. Совместными усилиями выдвигает из своих рядов. Голосованием.

– Как вы не уважаете своего Бога, раз позволяете людям выбирать его наместника.

– Это не мы не уважаем Бога, – проворчал рыцарь-маг. – Это кардиналы его не уважают. – Он помолчал. – Брак Конрада де Монферра и Изабеллы Иерусалимской в любом случае был незаконным. И потому, что супругов развели без их согласия, и потому, что силой заставили дочь Балдуина сказать «да»... И еще потому, что до брака с Изабеллой Конрад де Монферра уже был женат. Но по византийскому, а не по римскому обряду – на дочери византийского императора. Свои земли он получил как приданое за константинопольской царевной.

– Вот ловкач!...

– Да уж. Не то слово...

Девушка привстала, чтобы передвинуть поближе к огню перевернутый шлем Дика, в котором грелось вино. В дешевый кисловатый напиток она добавила душистых трав и немного меда; теперь получившуюся смесь надо было вскипятить на огне, а потом настаивать. Она утверждала, что таким образом на ее родине многие превращали дурное вино во вполне приличное горячительное – правда, как правило, слишком сладкое на мужской вкус. Ее спутнику, конечно же, немедленно захотелось попробовать.

Они жили в пещерке недалеко от Аскалона уже почти неделю. Немного магии – и о существовании этого уютного закутка среди невысоких прибрежных скал забыли все пастухи, которые обычно заглядывали сюда. В подобных случаях Дик и Серпиана без зазрения совести пользовались магией – в конце концов, речь не шла о краже или убийстве. Эта забывчивость должна была развеяться без следа через пару десятков дней, и пастухи даже не вспомнят, что какое-то время обходили пещеру стороной.

Дик хотел понять, что произошло за то время, пока он сражался со своим врагом, перепрыгивая из пространства в пространство.

Едва выбравшись из пещерки, откуда Трагерн перенес их в хрустальный грот с магической печатью, молодой рыцарь понял, что с его миром случилось что-то непонятное. Впрочем, поосмотревшись, он сообразил – все в порядке, все как всегда. Просто в Сирии бушует весна – а прошли, казалось бы, лишь сутки, как он покинул страну, где царило позднее лето. Ссылаться на ошибку или кажущуюся видимость скоро стало невозможно, и пришлось осторожно визнавать у местных жителей, а какой же на дворе год. Хорошо хоть, что освоившаяся в чужом мире Серпиана дала ему формулу отличного заклинания, позволяющего учить чужой язык в мгновение ока.

– Правда, по-моему, тебе стоило бы сделать это раньше, – упрекнула она. – Странно: прожить больше года в Сирии и только сейчас решить овладеть языком этой страны.

– Зачем мне это было раньше? Я же был с войском.

– А, понятно! Язык силы... Раньше за тебя говорил твой меч?

– Ну что-то вроде... – рассмеялся он. С тех пор как невеста привыкла к его родному миру, ее суждения стали острыми и меткими на диво. Это очень нравилось графу Герефорду...

Или, может быть, уже не графу?

– Я опоздал к своему королю на целый год, – объяснил Дик, когда не осталось никаких сомнений. – Возможно, я уже и не граф.

– Тебя это сильно огорчает?

– Ничуть...

На этот раз смеялась Серпиана, а он смотрел на нее светящимися ласковыми глазами и объяснял:

– Сама посуди – ну зачем мне эта канитель? Все равно ни один граф или герцог из числа английской знати, что так гордится своими благородными предками, не признает законного права на титул ни за мной, ни за моими детьми. Ни стоящего брака, ни приглашения вместе поохотиться...

– Пива попить! – подсказала она.

– Тоже нет. Кроме того, все соседи будут пытаться отнять у меня землю. А Герефорд – графство большое. На всех границах дозоры не выставишь.

– Разве ты не сможешь отстоять графство?

– Смогу, конечно. Но скольких сил это будет мне стоить. Золота... Представь себе.

– Представляю. – Девушка внезапно погрустнела. – Очень даже представляю... Так что же было дальше? Ну распрощался Ричард со всеми-всеми...

– Да, распрощался...

...Корабль мчался. Морской ветер, напоенный ароматом водорослей, без конца менял направления, то залепляя волосами лицо короля, стоящего на носу, то, наоборот, отбрасывая длинные пряди назад. После пыльной, удушающей жары Сирии морской ветер был сладок. Он не перестал быть приятным даже тогда, когда окреп, а с запада запахло штормом – холодок, водяная пыль и особый привкус, который остается после удара молнии, – есть такие, кто это испытал.

В юности Ричарду пришлось испытать настоящий ужас, когда в нескольких шагах от него в дерево ударила молния. Принца не задело, но он навсегда запомнил странный запах, пропитавший воздух после разряда. Как ни странно,

бояться грозы он после этого не начал, наоборот. Буйство стихий всегда вызывало в нем восхищение и страстное желание ввязаться в какую-нибудь схватку.

А приближение грозы он приветствовал громким смехом или песней, новой или просто давно забытой. За его спиной моряки, боязливо оглядываясь на черносиние облака, тащили канаты, сворачивали почти все паруса – король ни на что не обращал внимания. Любуясь небом и морем, на котором волны вырастали все выше и выше, он чувствовал, как песня щекочет ему нёбо и просится на волю.

– Притягиваю я их, что ли? – произнес Ричард, а потом запел по-французски:

Море волнуется, чайки кружат,

Чайки кружат над водой.

Волны шумят, волны с ревом летят

Прямо на мокрый песок.

Вырван из моря, на скалы корабль

Падает, ветром гоним.

Рухнул корабль, и – палубы треск –

Море сомкнулось над ним...

Тучи вокруг, и не видно небес,

Ветер и страшен, и сер.

Жалобно плачет какой-то журавль,

Знать, не туда залетел.

Море волнуется, чайки кружат,

Чайки кружат над водой.

Волны бушуют, и брызги летят

Прямо на мокрый песок...

Эти строки вряд ли могли выразить всю его страсть к буйному, как он сам, ветру и волне, подбрасывающей к небу корабли. Он не знал, насколько прав, и, конечно, не трудился замечать, что всякий раз, когда его охватывает настоящая ярость – такая, что темнеет в глазах, – над головой неизменно начинают стягиваться тучи. Он не понимал, что непостижимым образом способен управлять миром вокруг себя. В юности это случалось чаще, теперь – реже.

Теперь он бесился потому, что из Франции прибыл гонец, известивший короля Английского, что Филипп-Август взял Руа. Этот большой торговый город находился уже на территории Нормандии – было из-за чего взбеситься!

Король Английский пришел в такую ярость, какой давно не испытывал. Небо над армадой английских кораблей немедленно потемнело, потянуло запахами бури. Впрочем, никто не связал происходящее с почерневшими от гнева глазами Плантагенета. Последствия этого были так естественны, так непредсказуемы, что Ричард, хоть и гордился своим происхождением от колдуньи Мелюзины, хоть и кичился магической силой, на самом деле в нее не верил. Нет, магия, которую наглядно демонстрировал пропавший граф Герефорд, несомненно, существует. Но король был уверен, что в нем самой этой силы нет. А если б была, так он бы уж... ух! Уж он бы всем показал, что такое достойный сын Альенор Аквитанской.

Впрочем, магия – ремесло не слишком достойное короля. Пусть им занимается тот, кто это умеет.

Отсутствие Герефорда беспокоило английского короля, как камешек в сапоге. Как было бы прекрасно, окажись граф под рукой. Он, Ричард Английский, сделал безвестного рыцаря графом, и тот, конечно, понимает, чем обязан. Такого преданного слуги у Ричарда давно не было. А теперь Герефорд пропал. Безобразие! Как было бы замечательно выступить против Филиппа-Августа с ручным чародеем у стремени. Пара огненных шаров – и французская армия разбегается. А потом, опомнившись, возвращается – и подносит ему, Плантагенету, парижскую корону... Ричард размечтался.

Он настолько углубился в сладостные образы коронации, что даже не заметил, как вокруг корабля завертелась буря, как ветер натужно загудел в канатах, а за бортом понеслись целые водяные горы, грозящие разнести крепкие суда в мелкую щепу.

– Государь, пожалуйста, спуститесь вниз, – проорал Эдмер Монтгомери прямо на ухо своему королю, потому что иначе тот бы просто его не услышал.

– Я что, по-твоему, должен торчать в этом деревянном гробу? – заревел король Английский. – И не подумаю!

Монтгомери пожал плечами и остался рядом, надеясь, что, если не ко времени налетит большая волна, он успеет схватить своего государя за пояс.

Но Ричард и не думал сдаваться какой-то волне. У него были сильные пальцы, которые цепко держались за добротные деревянные перила. В один миг король вымок с головы до ног, но его это ни капли не волновало. Душа Ричарда была полна искреннего ликования.

Небо было почти черным, на мир спустилась поистине доисторическая темнота – словно кто-то дотянулся и похитил светило. Буйство стихии было таким всеобъемлющим, что порой пропадало даже ощущение воздуха – казалось, что вокруг царит одна вода. Плотный, как кулак, ветер нес с собой столько водяной пыли, что каждый вдох резал легкие. Ни морской глади, ни неба, ни земли вдалеке – с легкостью можно было решить, что великая буря разыгралась на самом Праокеане. При мысли о том, что нигде от горизонта до горизонта нет ни намека на сушу, ослабевали колени, соскальзывали с канатов пальцы.

Палуба уходила из-под ног, но тут же снова била по ступням, и это еще было хорошо. А то ведь случалось и так, что вместо твердого дерева ноги касались податливой толщи воды и тут же погружались в пучину. Продержаться на плаву в бушующем море, если тебе не за что уцепиться, практически невозможно. И если кто-то рассказывал иное, в рассказе непременно был подвох. Или скрываемые подробности.

Но руки короля никогда не ослабевали. Ричард не знал, что такое страх перед стихией, потому что никогда не тонул и был напрочь лишен воображения, чтобы всерьез беспокоиться из-за доброй мили холодных глубин под килем его корабля. Государь жил настоящим мгновением, самыми конкретными образами, и не сомневался в собственном всесилиии, а иногда это полезно.

– Ваше величество, умоляю, спуститесь вниз! – заорал перепуганный Монтгомери, видя, как прямо на него по морю несется волна размером с добрую

гору.

Налетела, ударила по пальцам, оторвала от фальшборта и швырнула спиной вперед... Ошибка Монтгомери состояла в том, что он привязал себя к мачте слишком длинной веревкой. Несчастного графа, до сих пор с трудом переносящего длительные путешествия по морю, перебросило через противоположный фальшборт, и он по пояс остался висеть за бортом. Его трепало волнами, душило водяной пылью, через каждую секунду окунало в море, натягивающаяся веревка пережала Эдмеру живот, и он едва мог вдохнуть.

Пока моряки заметили его бедственное положение (а произошло это лишь потому, что кто-то из них налетел на веревку, туго растянутую от мачты до фальшборта на уровне пояса) да собрались его вытягивать, граф уже почти задохнулся. Вытащили его лишь с третьей попытки, когда у Монтгомери выкатились глаза – от боли и удушья. Его поволокли в трюм – откачивать.

Король ничего не слышал и не видел. В кипящей пене и плещущих брызгами гребнях волн ему чудились острия копий, лезвия мечей, летящие по ветру плащи (плащи поверх доспехов – это неудобно и невероятно, зато красиво, поэтому такое можно видеть лишь на турнире) и края нарамников,[4 - Нарамник – верхняя одежда, состоящая из сложенного вдвое длинного куска ткани с отверстием для головы на месте сгиба. Нарамник обычно был заткан гербами владельца. Он надевался в том числе и поверх кольчуги.] накинутах поверх доспеха. А потому, когда шторм немного успокоился, а из-за выглянувшего вдали островка вынырнули три побитых штормом корабля, Ричард несколько не удивился. Казалось, он ждал чего-то подобного.

За спиной государя испуганно закричали матросы, среди которых были и французы, и англичане:

– A pirate! Pirate![5 - И по-английски, и по-французски это слово – пират – пишется одинаково.] Ah, diable![6 - Ах, черт возьми! (Фр.)]

Судя по обводам, один из этих кораблей когда-то построили в Венеции, второй – на Сицилии, а третий, самый потрепанный, – во Франции. Несмотря на сбитые надстройки и переделанные реи, – чтобы можно было растянуть более широкие паруса, а значит, быстрее двигаться, – опытному глазу было видно, что это бывшие торговцы. Судя по всему, суда были захвачены и кое-как переделаны в

боевые. Такие довольно тихоходны, неповоротливы, но зато куда устойчивее на волне – наверное, потому и уцелели во время бури.

На лице короля Английского появилось хищное выражение. Он смотрел на приближающихся пиратов так, словно целился в них из лука, но в то же время был благодарен им за внезапное появление. Теперь Ричарду было с кем сразиться.

– К оружию! – приказал государь. – Монтгомери, неси мои доспехи! Монтгомери, где тебя черти носят?

– Государь, граф Монтгомери при смерти, – с надлежащей сдержанностью и скорбью произнес один из ближайших матросов – тот, что посмелее. Скорбная маска словно прилипла к разудалому и хитрому лицу.

– Кто ему разрешил? – возмутился Ричард. – Эй, кто там есть! Что мне, самому идти за своей кольчугой и шлемом?

В сундуке, закрытом плотнее других, обнаружилась сухая одежда, и кольчугу не пришлось натягивать поверх насквозь мокрого подкольчужника. Король снарядился быстрее, чем иная дама успевает зашнуровать платье, и скомандовал атаку.

Команды пиратских кораблей были ошеломлены: они привыкли, что от них всегда спасаются бегством и приходится долго гнаться за добычей, чтобы набить себе карман. А здесь жертва, кажется, хотела сама превратиться в охотника. Впрочем, знай пираты, что это боевые суда короля Английского, известного своей свирепостью, они, возможно, и задумались бы, не попытаться ли удрать. Но пока двое оруженосцев искали королевский стяг, да потом отжимали из него воду, да разыскивали веревки, с помощью которых полотнище можно было поднять на мачту, – корабли почти сошлись борт к борту.

Из- за фальшбортов и с той и с другой стороны выглянули лучники и осыпали врага стрелами. Кто-то с воплем полетел на палубу, а кто-то и вовсе за борт. Ветер подгонял суда, и скоро скрип бортов возвестил начало рукопашной. На палубы бывших торговцев полезли прекрасно вооруженные воины, озверевшие от страха во время бури и теперь жаждущие на ком-нибудь отыграться. Одновременно с этим на мачту наконец взметнулось мокрое, жалкое, но еще

сохранившее следы былой роскоши полотнище королевского флага: львы и шитые серебром мелкие цветы и узкие листья *planta genista*, ветки дрека – символа дома Плантагетов.

Как только с корабля на корабль перекинули мостки, по ним, тяжело ступая подкованными сапогами, спустился Ричард. По знаменитому шлему и знакам, вышитым на сюрко,[7 - Сюрко – сшитый в боках длинный нарамник без рукавов или с ложными рукавами.] его, конечно, узнали – и дрогнули. Иметь дело с профессиональными воинами пираты совершенно не желали, тем более что на три их корабля у Ричарда было четыре – все, что осталось у него от огромной армады, разбросанной штормом. Бог весть, где находились остальные суда, в каких уголках Адриатики они искали своего короля.

Пиратам захотелось поскорее оказаться как можно дальше отсюда. Это был разношерстный сброд, по большей части состоящий из рыбаков, по тем или иным причинам лишенных возможности забрасывать сети. Были, конечно, и бывшие наемники, но совсем мало – подобный люд предпочитает, оставшись без твердой руки хозяина, щедро оплачивающей их услуги, бродить отрядами по твердой земле, где привычнее и всегда есть чем поживиться. Стоять насмерть они не умели, да и не видели смысла. Но и умирать не желали, конечно.

Схватка заняла равно столько времени, чтобы Ричард успел утолить зуд в ладонях, стиснувших меч, и вспомнить, что главная добродетель хорошего правителя – умение договариваться. В мгновение ока он сообразил, какая может быть выгода от пиратов. Конечно, их всех стоило бы повесить, но они промышляли в водах Двух Сицилий и Италии, не во французских, не в Английских водах – то есть у государя английского к ним нет и не может быть претензий. А значит...

– Ну что, довольно вам? – прогудел его величество.

Битва прекратилась, как только воины Ричарда поняли, что королю хочется поговорить, и отступили. Пиратам подобная передышка была только в радость – они тоже сделали шаг назад. Подумав, прогудели согласно: мол, вполне хватит.

– А теперь давайте-ка поговорим.

Разговор не затянулся. Ричарду до тошноты надоели светские любезности, а пираты болтать попусту не привыкли. И тот и другие разговаривали только о деле. Кроме того, морские разбойники – в большинстве своем итальянцы – с трудом понимали то, что говорил король Английский и переводил на местное наречие его капеллан, отец Ансельм. Священник был полиглотом, прекрасно знал и латынь, и итальянский, и английский, но на любом языке говорил с таким ужасающим французским акцентом, что понять его можно было с трудом.

Итальянцы решили, что умирать им ни к чему, и согласились помочь знаменитому государю. А за самую символическую плату капитан пиратского корабля вызвался скрытно провести английские корабли в любой уголок Адриатики... В Венецию? Нет-нет, рядом с Республикой лучше не появляться. С тех пор как тамошние долей забрали такую силу, у Венеции замечательный флот. Там пиратов не любят...

– Тогда можно в Градо – это не Венеция, это уже Верона.

– Верона в союзе с Республикой. Их корабли ходят вместе.

– Вот как? – Ричард задумался. – Что ж, пусть будет Истрийская марка. Сможете?

– С легкостью. Я же сказал – любой уголок Адриатики. Какой город?

Король Английский покосился на капитана своего корабля, который заодно служил здесь лоцманом. Капеллан бегом принес карты, и после долгого обсуждения решили, что берег между Капо д'Истрия и Паренцо подойдет как нельзя лучше.

Еще в Сирии, обдумывая возвращение на родину, Ричард впервые в жизни вспомнил о том, сколько у него врагов.

А врагов было много. Родившись знатным и сильным, Ричард не снисходил до слабостей окружающих, не старался избежать конфликтов и лишь теперь понял, что не так просто будет ему найти монарха, расположенного к нему по-дружески. На жалких четырех кораблях, к тому же здорово пострадавших от непогоды, нечего и думать добраться до Англии. Так или иначе, но придется приставать к берегу. Где? На Сицилии? Вряд ли Танкред де Лечче уже успел забыть, как качественно его ободрали англичане. Священная Римская империя?

Там правит Генрих VI, отпрыск Фридриха Барбароссы, женатый на Констанции Гвискар. Он до сих пор глотку Ричарду готов перегрызть, что не сумел получить наследство своей жены – королевство Двух Сицилии. Он помогать не станет.

Франция? Там люди Филиппа-Августа. Кроме того, там Раймон Тулузский, с которым у короля Англии вышла ссора в последние дни сирийской войны. И повод-то пустяковый, но граф ударился в амбиции, стал чего-то требовать – словом, вел себя неподобающе. Пришлось его осадить. А Раймон сразу вспомнил какие-то пустые ссоры, произошедшие в давние времена между старым графом и королем Генрихом, еще до похода на Восток, в Аквитании. Этим злопамятным графам и герцогам палец в рот не клади – мигом найдут, к чему прицепиться. Дело-то наверняка в том, что Раймон передумал получать Вель от Ричарда и решил получить его от Филиппа-Августа.

Вольному воля, они еще сквитаются.

Также отпадает и Арль, Южная Галлия, потому что в большинстве своем бароны Прованса не любили Ричарда – с тех пор, как его обвинили в убийстве Конрада де Монферра. Лишь теперь он вспомнил слова Монтгомери о том, что нехорошо, если его, властителя Англии, обвинят в этом. Да уж... Но, впрочем, уже поздно. Вся знать Европы в той или иной степени состоит в родстве, а в Провансе родичей Конрада особенно много, поскольку его отец оттуда родом.

А до Испании не добраться. Даже если и удалось бы – через Испанию не пройти. Это все равно что в одиночестве тащиться через Сирию.

В состав Священной Римской империи входила Австрия, довольно большое герцогство, где правил Леопольд. Вот уж кто не любил Ричарда, и надо признать, было за что... Плантагенсту быстро надоело считать.

Что же ему оставалось? Очевидно – пытаться пробраться по этим землям скрытно. Тем более теперь, когда от его флота осталось только четыре корабля, а отряд, который он мог сплотить вокруг себя, вовсе ничего не стоил.

И король Английский приказал своим людям отправиться в Англию на кораблях – как только он сам и несколько его слуг сойдут на Истрийский берег. Государю никто не противоречил – тот, кто мог бы встать на его пути, граф Эдмер Монтгомери, лежал в трюме на вонючей подстилке, едва дыша от боли в

сломанных ребрах, и неизвестно было, выживет он или нет. Со своим сюзереном вызвались идти Балдуин Бэтюнский, Вильгельм Этангский, пара оруженосцев, капелланы Филипп и Ансельм, да еще несколько слуг, которых, впрочем, никто не спрашивал.

На берег сгрузили небогатый (сравнительно, конечно) скарб его величества, коней и провизию, после чего корабли развернулись и растаяли в голубоватой морской дымке.

А король отправился в глубь враждебной ему страны, стремясь пересечь границу и оказаться в другой, не менее враждебной стране... Впрочем, выбора у него не оставалось...

Глава 3

– Да, – протянула Серпиана, глядя в огонь. – Бревнышко почти прогорело, пламя угасало, колода рассыпалась углями, дающими устойчивый и сильный жар. Девушка пристроила в центр кострища котелок с остатками похлебки. – Только откуда ты это узнал?

– Из Франции в Тир прибыл гонец. Он был на одном из этих кораблей и, понятное дело, видел все сам. Я прочел его память.

– Ты уже многому научился... Еще год назад смотрел на меня растерянno, когда надо было мысли читать, а тут – память... А что еще ты узнал?

Дик пожал плечами:

– Только то, что король в плену. Гонец ведь и сам узнал об этом из третьих рук.

– И что ты собираешься делать? – спросила она опасливо.

Молодой рыцарь слегка улыбнулся:

– Я буду выручать из плена своего короля.

Девушка долго молчала. Она помешивала остатки похлебки в котелке, потом придвинула его к себе и стала есть медленно и церемонно, словно на приеме у короля.

– А зачем тебе это нужно? – наконец спросила она.

– В каком смысле?

– Зачем тебе нужно спасать Ричарда?

– Как зачем? Он мой король.

Еще одна пауза, уже покороче. Серпиана придвинула ему котелок, в котором вот-вот должно было показаться дно, протянула ложку.

– Ты ничем не привязан к этому миру, Дик, – сказала она тихо. – Мы с тобой можем уйти туда, где твой король просто не сумеет дотянуться до тебя. В иной мир он и носа не сунет, куда уж ему. Там мы с тобой обретем новую родину. Что тебя здесь держит?

– Я ничем не привязан к своему миру? – воскликнул он. – А ты? Разве ты не мечтаешь вернуться к себе на родину?

– Мечтаю, – прошептала она. – Но раз речь зашла о родине, то я повторю вопрос: при чем здесь король? Зачем его спасать? Пусть выкарабкивается сам, как хочет.

– Он – мой король. Я приносил ему присягу.

– Разве ты лично ему приносил присягу? Ты клялся любому королю, который будет сидеть на его месте. Ты клялся трону. А затруднения короля – дело самого короля.

– Я клялся...

– Он – очень плохой король! Просто отвратительный.

Дик поскреб подбородок. Он не брился уже больше недели, – а где здесь, в глуши, найдешь хотя бы сносного цирюльника? – и уже успел отрастить маленькую бородку.

– Возможно. Но – не самый плохой. Впрочем, даже это не имеет значения. Он – мой отец.

Серпиана поджала губы.

– Хорош отец. Он даже не знает об этом, не так ли? И матушку твою он не спрашивал, хочет ли она от него рожать. У меня на родине подобное поведение не одобряется. А виновному потом всю душу выматывают. Или делают что-нибудь похуже.

– Кто выматывает?

– Родственники.

– У Алисы Уэбо, урожденной Эшлии, не было таких родственников, которые могли бы вымотать душу сыну короля, – мрачно ответил Дик. – А у Этельвольда Уэбо и вовсе нет никаких родственников. Но это не имеет значения. Мне плевать, какой Ричард отец и король. Я клялся, и выполнить клятву нужно не кому-то, а мне. Мне самому. Только это имеет значение.

Она опустила глаза, больше не смея возражать. На миг ей показалось, что из его глаз на нее взглянул отец, глава Дома Живого Изумруда, который был и остался для нее самым лучшим в мире мужчиной... Впрочем, не только в мире – во вселенной. Она никогда не думала, что встретит человека, который станет для нее так же дорог, как отец, которого она будет так же уважать и так же любить...

Глава рода всегда говорил ей: «Неважно, что думают остальные. Главное – всегда поступать так, как требует твое сердце. Только совесть – твой судья. Клятву нужно сдерживать всегда и везде, но не потому, что кто-нибудь может узнать о твоём бесчестье. А потому, что иначе и быть не может».

Она все-таки взглянула ему в глаза.

– Да, конечно. – Голос девушки звучал устало. – Если так, то, конечно, ты должен спасти своего короля. Если я смогу чем-то помочь тебе...

– Я надеюсь на твою помощь.

– Итак, что же ты решил? Отправляемся в Италию?

– Сперва на Кипр. По твоему совету искупаюсь в источнике и приведу себя в порядок. Как я понимаю, если б не этот источник, я не смог бы справиться с Далханом?

– Само собой. Источник напитал тебя силой, а поскольку ты в первую очередь проводник, то есть способен накапливать в себе больше энергии, чем любой другой маг, тебе было чем сопротивляться.

– Значит, надо обновить запас. Потом заглянем на Италийскую Сицилию. А потом, пожалуй, мы с тобой отправимся в Истрийскую марку. Это не сама Италия, это рядом. Владение, граничащее с Венецианской республикой и Веронской маркой. Думаю, там мы сможем добыть самые свежие новости.

– Надеюсь...

– А теперь ложимся. Утром на Кипр отбывает корабль. – За последние несколько дней манеры Дика изменились, он стал похож на знатного человека, привыкшего распоряжаться и встречать повиновение. Его спутница не возражала. – Надо с утра пораньше успеть договориться с капитаном. Ты же не бросишь своего скакуна?

Серпиана дотянулась и погладила жеребца по храпу.

– Ни за что, – улыбаясь, сказала она.

– Кстати, – раскладывая плащ на песчаном полупещеры, припомнил молодой рыцарь. – Давно хотел тебя спросить...

– Да?

– Как тебя зовут на самом деле? Не Серпиана же, я прав?

Девушка рассмеялась:

– Что ж... Живем бок о бок уже почти три года. Самое время наконец узнать, а как же зовут девушку, с которой давно спишь...

– Ладно, Ана, я виноват. Признаю. Но теперь-то ты мне скажешь? У тебя ведь есть настоящее имя?

– Конечно, есть. – Она улыбалась и медлила. – Только оно длинное.

– Ну так назови. Уверен, я заучу с первого раза.

– Ну смотри... Ингреи Эмдей Иерел, Геалва Белая.

– Хм... Не так уж длинно. Постараюсь запомнить.

– Это неполное, – улыбнулась она. – Я назвала только личное. А есть еще родовое и два семейных – по матери и по отцу. – Девушка не выдержала и расхохоталась, глядя в его ошеломленное лицо. – Не трудись. Если захочешь, я тебе потом все растолкую.

– Но называть-то тебя как?

– Называй Серпианой. Или, если угодно, Йерел. Мне так привычнее.

– М-да... Где уж освоить все это за один раз. Я, пожалуй, буду сбиваться. Мне Серпиана удобнее.

– Серпиана тоже хорошо, – тихо сказала она. – Потому что я – последняя в своем роду. Таких оборотней, как я, больше не осталось. Все были на том поле.

Она поскуцнела и, повернувшись спиной, улеглась отдыхать. Он чувствовал, что девушка на него нисколько не обиделась, но между ними появилась некоторая напряженность, она леденила его, словно холодный северный ветер.

Наутро они пустились в путь к акрской гавани, оттуда и должен был уйти в море корабль под флагом с огромным красным крестом тамплиеров. Договориться с моряками удалось быстро и сравнительно недорого. Дик назвал свое настоящее имя, и к нему отнеслись, как ко всем рыцарям Креста, возвращающимся на родину, с пониманием и снисходительно. А благодаря кладу Килани и бывлой щедрости короля Ричарда молодой граф и его спутница могли ни в чем себя не стеснять. На Кипре все еще распоряжались тамплиеры, хотя уже год, как остров по соглашению был передан во владение Ги де Лузиньяна. Возможно, дело было в том, что бывший король Иерусалимский никак не мог набрать денег на выкуп. Тамплиеры его не торопили – остров был богатый, а после показательного подавления мятежа налоги стали платить все.

О бунте и его подавлении все, кто не был коренным киприотом и не испытал этого на себе, говорили с восхищением. Рассказывали, как против огромных толп разъяренных жителей, вооруженных чем попало, без колебаний выступила одна-единственная сотня рыцарей Тампля – больше их на острове и не было. Закованные в железо, великолепно обученные и вооруженные, они строем пронеслись сквозь толпу. И крестьяне побежали. После этого несложно было справиться с остатками мятежа.

В Лимассоле все ничего не изменилось, разве что с берегов были убраны временные укрепления да пристань надстроена в длину. Здесь грузилось и разгружалось множество торговых кораблей, на ярмарках города вовсю шел торг, жителям было куда нести плоды своего труда, и если б не налоги и подати, они, наверное, даже были бы счастливы.

За деньги здесь, как в любом торговом городе, можно было получить что угодно. Купцы с удовольствием выкачивали из воинов Креста все награбленные ими ценности, словно волновались, как бы в Англию не попало слишком много золота. Дик и Серпиана сняли комнатку в таверне, и девушка, едва захлопнув за слугой дверь, с облегчением принялась переодеваться в платье – последнее сохранившееся во вьюке.

Жених подшучивал над нею:

– Помнится, ты говорила, что в штанах чувствуешь себя лучше.

– Все хорошо в меру, – ответила она.

Вечером они оба покинули город и углубились в сады расположенные к востоку от людских жилищ, и примыкающие к лесу у подножия горы. Оттуда уже можно было докарабкаться до вершины. Шли пешком, оставив коней на конюшне при постоялом дворе.

В садах – одичавших, должно быть, давно лишенных ухода, – бесновалась поздняя весна. Солнце еще не село за горизонт, и в красноватом свете ароматная метель, состоявшая из яблоневых и грушевых цветков, казалась чем-то неправдоподобно-прекрасным. Затаив дыхание, смотрел молодой рыцарь, как его невеста, изящно подобрав подол, ступает по бело-розовой земле, овеваемая ветром, несущим тысячи душистых лепестков, как оборачивается и вопросительно улыбается в ответ на его ошеломленный взгляд. Она походила на принцессу из легенды, от красоты которой останавливается сердце, мутится взор, одного слова которой достаточно, чтобы покорить, одним взглядом способную погубить мужчину – но он все равно жаждет этого взгляда... Почему похожа? Дик задохнулся. Она и есть принцесса. Она так прекрасна, что у него кружится голова и слабеют ноги...

Молодой рыцарь бросился к ней, взрывая ногами груды невесомых лепестков, крепко обнял, словно боясь, что она сейчас улетит, прижал к себе и стал целовать. Серпиана покачнулась – и они вместе полетели на кучу сухих листьев, оставшихся с осени.

Девушка увернулась и, когда они повалились на землю, оказалась не под ним, а рядом. Дик больно ушиб локоть о камень, но отметил сей факт лишь краем сознания. Он ожидал, что Серпиана даст ему пощечину за столь грубое нападение – характер у девушки был независимый, это давно уже стало понятно, – но вместо этого она гибкой, подвижной рыбкой приникла к нему, обняла и стала ласково гладить по лицу и плечам.

– Я тебя тоже люблю, – прошептала она, хотя рыцарь-маг не произнес ни слова. Он молча целовал ее глаза.

– Ты не обиделась? – тихо спросил он чуть погодя.

– Нисколько. – Серпиана покосилась на него с вызывающей улыбкой. – Я знаю: вы, мужчины, по-другому не умеете выражать любовь... – Она помолчала. – Может, все-таки пойдем?

Сквозь тонкие, как кружево, ветви деревьев с неба просачивалась ночь. Она сгустила туман, наползающий с далекой реки, принесла с моря прохладу, которую привыкшие к местной жаре люди могли бы, пожалуй, счесть холодом. В глубине души Дик тосковал по Корнуоллу, по расцветающим весной яблоням и вишням, по запахам распаханых полей и вкусу хлеба, смолотого па каменных жерновах мельницы, что была лишь десять лет назад построена в Уэбо. Украдкой поглядывая на Серпиану, бесшумно пробирающуюся по чахламу леску в двух шагах от него, он представлял ее, поднимающуюся по корнуолльским скалам, собирающую вишни в плетенную из лозы корзинку или пекущую хлеб в огромной печи, поставленной рядом с донжоном... Впрочем, если это будет донжон геррефордского замка, то хлеб будут печь служанки, а она – лишь присматривать.

Границы источника начинались у подножия горы. Здесь уже мерцал воздух, наполненный энергией больше, чем обычно, чахли деревья и неохотно росла трава. Только мох по-прежнему покрывал серые скалы плотным зеленым ковром; его, пожалуй, стало даже больше, чем раньше. Но, как известно, мох да еще грибы охотнее всего впитывают в себя чужую энергию. Дик наклонился, потрогал его ладонью и с улыбкой сказал Серпиане:

– Его теперь можно использовать как артефакт.

– Кого?

– Мох.

– Хм... Разве что очень слабенький артефакт, – ответила изумленная необычной идеей девушка. – Да и зачем?

– Низачем. Я просто так сказал.

Он шел, вспоминая, как в первый раз поднимался сюда магической тропой, сократившей путь до одного шага. Трагерна, молодого ученика Гвальхира,

который теперь обретается неизвестно где, всегда тянуло к масштабным действиям. Это по его настоянию тогда Дик ненадолго остановил время – чтобы успеть сделать друиду посох и вернуться к берегу, к спрятанному в кустах кораблю. Теперь, кое-что узнав и поняв, Дик осознал, что поступать так не следовало. Но, впрочем, было поздно. Своим деянием он оповестил всех магов своего мира и всех окружающих миров, что стоит на вершине горы близ Лимассольской бухты, на собственном источнике, и собирается шалить дальше.

«Ты же и тогда это понимал, – упрекнул он сам себя, но сразу поправился: – Почти понимал. Не понимал, но чувствовал. И хотел спровоцировать Далхана. Думал, что это правильнее, чем каждую минуту ждать нападения из-за спины. Ну дождался. Спровоцировал. Лучше тебе стало?» Молодой рыцарь долго размышлял над этим вопросом, но потом все-таки пришел к выводу, что да, лучше.

Не зря говорят, что практика – самая надежная форма обучения. После гонки по мирам и настоящей, без поблажек, схватки с врагом Дик многому, очень многому научился. Он чувствовал, насколько увеличились его силы, сколь многое он понял, на что сделался способен – и заодно как он слаб по сравнению с Далханом, по сравнению с тем, на что он будет способен когда-нибудь. И как много ему еще предстоит освоить и выучить.

Он с готовностью пообещал себе, что уж теперь возьмется за дело всерьез.

Серпиана скользила по склону горы с легкостью лунного луча. Не раз она останавливалась и поджидала мужчину, обдирающего колени о неустойчивый камень или выступ скалы. В какой-то момент ей это надоело, она вынула из-за пояса моток веревки, развернула его – и обратилась в змею. Здоровенное пресмыкающееся зажалось конец веревки во рту и заскользило по склону. Вверх.

Дик мгновенно потерял ее из виду. Но через несколько минут девушка как ни в чем не бывало поднялась над выступом далеко вверху и махнула ему рукой.

«Поднимайся, – понял он. В тишине ночи девушка не стала бы кричать. – Все в порядке».

Когда он вскарабкался на уступ, Серпианы там уже не было, но веревка скоро перекочевала выше, и так далее. Они почти не обсуждали этот путь, но Дику

было понятно, что демонстрировать силу и снова призывать на свою голову неприятности он не хочет. Серпиана ни о чем его не спрашивала. Она просто принялась помогать ему.

До вершины горы они добрались к рассвету. Небо посерело, потом порозовело на горизонте, края облаков украсились изысканными узорами, в которых можно было рассмотреть и завитки листков, и венчики цветов, и гибкие лианы. Казалось, что весна, изукрасив землю, решила добраться до небес и там тоже зацвели сады. Облачный многоцветный узор менялся каждую минуту, и красотой его нельзя было вдоволь насладиться, как нельзя до дна испить чашу радостей самой жизни. Полюбовавшись морем, постепенно расцветающим под прикосновениями солнца, Дик отвернулся и присел на корточки возле магического источника.

Источник наполнял туман. Густой, словно снег, он пахнул магией и с радостью тянулся к хозяину. Сила признала своего господина и была готова наделить его магической властью. Дик помедлил – и погрузил в туман обе руки.

Сияние ослепило его. На мгновение рыцарю-магу показалось, что он смотрит на свой мир с ошеломляющей, непредставимой высоты. Далеко внизу проплывали облака, и земля была... круглая... Она показалась ему похожей на раскрашенный пряник. Потом зрение замутилось, и он увидел... нет, не увидел. То, что развернулось перед его внутренним взором, невозможно было видеть.

Он воспринял сразу множество миров. Они предстали перед ним рдеющими узкими полосами, собирающимися в пучок и истекающими бледным мерцанием на фоне черной бездны, пронизанной острыми иглами света. Титанический султан, словно страусовые перья на ветру, покачивался, рассыпая вокруг себя живые подвижные искры, завивался в спираль, которая время от времени замыкалась сама на себя. Не сосчитать, сколько нитей составляют этот султан.

Но и это видение стояло перед его взглядом лишь несколько мгновений. Потом он увидел систему миров, но не как спираль из перепутанных нитей, а в образе кругов, перекрывающих друг друга. Эти круги были пронизаны неисчислимыми магическими каналами и каналчиками, узлами, от которых расходились узкие, как лучики, полосы, и потоками. Дику казалось, что достаточно сделать лишь один шаг, чтобы оказаться в любом из миров, и в то же время теперь он чувствовал, насколько это сложно – попасть из мира в мир. Сколько энергии поддерживает каждый из них – подумать страшно. Человеку, какими бы

способностями он ни обладал, опасно даже касаться этой бешеной энергии – он немедленно развоплотится.

Источник, до которого рыцарь-маг дотянулся рукой, был лишь незначительной точкой на ткани вселенной. Но одновременно – неотъемлемой ее частью. Положив ладонь на светящийся «стебелек» силы, который связывал источник с единой энергетической системой, Дик потянул на себя ниточку, осторожно сделал петельку – и накинул ее на ближайший силовой узел. Издалека, опасаясь даже приблизиться, где уж там касаться. Накинул – и затянул. Он и сам еще не до конца понимал, зачем это делает, и догадался лишь тогда, когда разорвал контакт с источником и поднялся на ноги.

Контакт он разорвал, но понял, что теперь при необходимости сможет дотянуться до «своего» источника из любого уголка мира, даже из другого мира, если понадобится. Теперь ему не нужно было жить на Кипре, чтобы пользоваться всей этой силой, достаточно просто найти какой-нибудь приличный магический канал. В какой-то момент ему захотелось отправить послание Далхану Рэил – при необходимости его обиталище можно было найти, – что-нибудь забавное, вроде рожицы с высунутым языком. Но он передумал.

Дик обернулся к девушке – той не было. Рядом на камне свернулась кольцом змея с черной чешуей и посматривала на него выжидательно.

– Хочешь, и тебя искупаю? – спросил он, показывая на выемку, полную поредевшего тумана.

Змея отпрянула вбок, свернулась плоской пружиной, напоминающей жиденькую бухту каната, выставила голову на длинной шее, изогнутой вопросительным знаком. Подумала. Неловко кивнула.

– Так превращайся. Или тебе так удобнее?

Кивок.

– Ну, ползи.

Отрицательное покачивание плоской головки, но сравнению с телом кажущейся совсем игрушечной.

– Мне что же – на руках тебя тащить?

Кивок.

– Родная, да я тебя боюсь. Ты же меня задушишь...

Змея смотрела бесстрастно, без выражения, но он и сам почувствовал, что говорит глупость. Пожал плечами, сделал к ней шаг, примерился.

– Я тебя не подниму. Ты тяжелая.

Кивок. Бесстрастное тихое шипение, которое почему-то показалось Дикуну насмешливым.

Он поднатужился и поднял Серпиану с камня.

Змея и в самом деле оказалась тяжелой. Девушку в человеческом облике он поднимал с легкостью. Гибкая и стройная, в объятиях она казалась ему пушинкой. А эта змеица, похоже, была весом с доброго кабана. Но с женщинами не спорят, особенно когда они в обличье змеи. Спотыкаясь, молодой рыцарь доволот Серпиану до выемки и попытался ее туда уронить. Но гибкий хвост в мгновение ока обвился вокруг него, и в туман они упали оба.

Такого Дикун никогда еще не видел и надеялся больше не увидеть. В одно и то же мгновение он сжимал в объятиях и огромную змею, и прелестную обнаженную девушку, и какое-то упругое средоточие энергетических полей, своеобразный кокон. Он видел, что светлые полосы, которые соединяли между собой энергии разных цветов, кое-где перемежаются с темными, и тут же понял, что они – след неумелого возрождения. С внезапным ужасом он сообразил, что почти три года его любимая находилась в теле, возрожденном лишь наполовину. В друидической диаспоре Озерного Края он слышал рассказы о живых мертвецах. Вернее, живыми их нельзя было назвать. Жалкое подобие жизни...

И это подобие жизни, это нелепое существование было ее уделом, и по его же собственной вине... Дику стало стыдно. Одновременно в нем вспыхнула яростная досада на друидов, которые могли же сказать, что с Серпианой что-то не так. Он осадил себя замечанием, что далее Гвальхир мог ничего не заметить просто потому, что не присматривался к девушке. Зачем? Она не враг, она необычное существо из другого мира, ее не хотелось обижать.

Чувствовала ли девушка, что с ней что-то не так? Наверняка чувствовала. Недаром же магия подчинялась ей лишь наполовину, а знания возвращались постепенно, и до сих пор она не могла точно сказать, все вспомнила или нет. Он заключил ее в объятия с особенной нежностью и стал осторожно поглаживать обмякшее, дрожащее тело. Под его ладонями медленно и неуверенно пропадали полосы темного, а светлые начинали играть всеми оттенками зеленого и желтого. Казалось, что зачахнувший было цветок снова оживает, расправляет листки, поднимает венчик – и возвращается к солнцу, рожденный заново.

А потом он понял, почему она медлила. Под его ладонями дрожало, открытое его воле, не только сплетение энергий ее тела и магическая ткань сознания, но и мысли, чувства, нежные, как рассветное видение. То, что составляет саму душу, трепетную индивидуальность человека, было открыто перед ним – только взгляни. Но Дик, поколебавшись, отвернулся. Это все равно что коснуться ладонью усыпанной блистающими капельками паутины, которая тут же прилипает к коже бесформенными комками. Он не хотел лезть в ее душу, тем более сейчас, когда она настолько в его власти. Рыцарь-маг понимал, что в этот момент может сделать с ней – ее телом, магической силой и душой – все, что угодно.

Соблазн оказался огромен. Тем более он был горд тем, что устоял.

Он вынес ее из выемки на руках, на этот раз в человеческом облике, одетую в лохмотья. Находясь в средоточии Силы, она несколько раз меняла облик, да как стремительно, что ее человеческая одежда треснула по всем швам и разлезлась. В закатном солнце ее обнажившаяся кожа была подобна перламутру изысканной раковины из таинственных глубин морей, откуда ее извлек отважный ныряльщик... В закатном? Посмотрев на небо, Дик убедился, что уже вечер.

Так же, как когда они вышли из кольца лимассольских стен, свет солнца, похожего на темно-желтый бриллиант, через который человек смотрит на лампаду, заливал осыпающиеся сады. Ветер нес лепестки – еще на пару дней

должно было хватить этого бело-розового великолепия, потом наступит время другой красоты. Море в чешуйках расплавленной бронзы дышало, словно живое, прибой разбивался о скалы и уходил обратно осколками волн.

Он положил ее на мох, и девушка обняла его. Ее губы были необыкновенно теплы, и, вспомнив, какими холодными казались ему ее прикосновения, он порадовался, что не пожадничал и сделал все как надо. У него мутилось сознание от усталости, холодный пот выступал на лбу, к горлу подкатывала тошнота – отчего было особенно стыдно, – но он не желал этого показывать. Серпиана ласкала его, а ему больше всего хотелось закрыть глаза и заснуть еще на годик.

Она прижималась к нему, потом вдруг нашарила его ладони и приложила их к своей обнаженной груди, помяла холодные пальцы. Он почти терял сознание.

Ее ароматное дыхание тревожило его волосы.

– Ты надорвался, верно? – прошептала она. – Я чувствую. Отдохни... Отдохни...

А больше он не слышал ничего. Его унесло в небытие, вязкое, как смола, где не было снов, а только усталость.

Он не думал, что проснется утром, но тем не менее проснулся – слабый, как младенец, с ноющей, колкой, как ел, болью в груди, с плывущими перед глазами цветными пятнами – но живой. Даже близость источника не помогла ему ничем, наоборот. При попытке зачерпнуть оттуда энергии Дик едва не потерял сознание, как глупая барышня, и решил больше так не позориться.

Серпиана хлопотала вокруг него с ненавязчивой и мягкой заботливостью. Она устроила его на мху, а когда он очнулся, уже ждала его пробуждения с ободранной тушкой какой-то птицы. Протянула ему:

– Ешь.

– Это? – Он с недоумением взглянул на сочащееся кровью мясо. – А приготовить?

– Где, чем и из чего я, по-твоему, должна развести костер? – невозмутимо спросила она. Обвела свободной рукой вершину приземистой горы, где был только мох – и ни единой веточки. – А заодно придумай, в чем это можно приготовить.

Он посмотрел на нее, стоящую перед ним практически обнаженной, но без всякого смущения, а потом на голые камни, которые их окружали.

– Ну я понимаю, но... Но не могу же я есть сырое мясо.

– А ты пробовал? – лукаво спросила она, отрывая у птицы одну из ножек.

– Только рыбу, – признался он. – Однажды.

– Птица довольно нежная. Попробуй. Всяко лучше, чем сидеть голодным.

Он пожал плечами и, взяв себя в руки, решительно вонзил зубы в сырое мясо.

Птица и в самом деле оказалась довольно нежной. Дик справился с одной ножкой и потянулся за следующей.

– Соли бы, – вздохнул он. – Или хотя бы золы...

– Мне всегда казалось, что кровь сама по себе достаточно соленая.

– Я не люблю кровь.

Серпиана вытерла с губ бурые пятна, смахнула перышки и улыбнулась.

– Я тоже не люблю. – Она сделала сложный жест рукой. – Так лучше?

Он попробовал. Мясо стало солоноватым.

– Это магия? – уточнил Дик. Он чувствовал себя настолько усталым, что даже не мог распознать магию, какой бы она ни была.

– Магия. Кулинарная. Кстати, несмотря на внешнюю простоту, это заклинание куда сложнее, чем огненный шторм. Или, скажем, вихрь ледяных искр.

– Ты все вспомнила?

Девушка задумчиво ковырялась в спинке несчастной птицы. Оторвала длинный кусок мяса и сунула в рот.

– Да. – Она смотрела на море. – Вспомнила. Все. Правда, лучше бы не вспоминала.

Он отшвырнул обглоданную кость и попытался встать. Ноги не повиновались, но с третьего раза ему удалось принять более или менее вертикальное положение и шагнуть к ней. Обтерев окровавленные руки о штаны, он обнял ее и мягко поцеловал. И потянул присесть на камень, словно хотел устроить поудобнее, хотя на самом деле просто-напросто сам не мог стоять.

– Что-то очень неприятное?

– Я вспомнила плен. Раньше тоже помнила, но так... Знаешь, раньше все было словно в тумане. А теперь очень ясно... Так отчетливо...

– Я отомщу за тебя, родная, – спокойно сказал он.

– Не надо, – рассеянно ответила она. – Некому мстить. Да и незачем. Все это в прошлом. – Серпиана взглянула на жениха, отражая, словно зеркало, его нарочитое спокойствие. – Я не должна была рассказывать тебе об этом. Не надо было...

– Надо, родная. Я не буду беспокоить тебя этим... – Он помолчал. – Может, двинемся вниз?

– А разве ты уже пришел в себя?

– Нет. Но завтра рано утром корабль уходит на италийскую Сицилию. Мы должны на него успеть. А кроме того...

– Что?

– Меня уже мутит от этого места. – Рыцарь-маг покосился на выемку, полную густого тумана. – Не обижайся, дружок...

– Еще бы, – прыснула она. – Ты надорвался, а по-прежнему пытаешься впитывать энергию. Вот тебя и мутит.

– Я не прилагаю никаких усилий.

– Естественно. Ты же проводник. Это у тебя получается инстинктивно. Впрочем, неважно. Считаешь нужным, так пойдем. Не торопись, у нас ночь впереди. – Она вздохнула и, зачем-то подняв к лицу ладонь, посмотрела на подрагивающие пальцы. – В крайнем случае я смогу перенести нас... Надеюсь, у меня получится.

Дорога назад оказалась не так трудна, как опасался Дик, хотя в какие-то мгновения он держался только на силе воли. Несколько раз он срывался и скользил вниз, но гора была пологой, ничего особенного не произошло, он просто еще разок разорвал одежду и заработал пару лишних ссадин. Иногда Серпиана протягивала ему руку, но достоинство не позволяло воспользоваться ее помощью, и он шел сам. Миновали предгорья, где молодой рыцарь все-таки согласился немного отдохнуть – присел у ствола огромного дуба и задремал, – потом сады и к вечеру добрались до Лимассола.

Девушка наинула на себя иллюзию платья, и только он один видел, что по улицам города она идет совершенно обнаженной. Несмотря на смертельную усталость, его разбирал неудержимый смех, когда встречающиеся им на пути простолюдины – мужчины и женщины – торопились поклониться его невесте, непринужденно переступающей голыми ногами по ореховой шелухе и мусору, которым были засыпаны осклизлые булыжники. Они видели только ее роскошное платье, отороченный соболем короткий плащ, высокомерно поджатые губы и равнодушные глаза. А он смотрел на ее подвижный круглый задок, на обнаженную, дивной белизны гибкую спину и представлял, что было бы, если б акрцы увидели то, что есть на самом деле. Взгляд его жег девушке спину, она то и дело оборачивалась и предостерегающе окидывала спутника строгим взглядом.

На постоялом дворе Дик и Серпиана тут же поднялись в комнатку, за которую заплатили вперед. А поскольку девушка весьма решительно дала ему по рукам, причем неоднократно, он смирился и блаженно растянулся на соломенном ложе. Такой усталости он прежде никогда не испытывал.

Глава 4

– Ну и куда это вы, господа, собрались путешествовать без меня? – вызывающе спросил Трагеры.

Дик уже понял, в чем дело. Он продолжал расслабленно лежать на палубе «торговца», неспешно шлепающего на запад, не пытаясь ни вскочить и оглядеться, ни сосредоточиться. Просто лежал и смотрел в сердитое лицо друга, окруженное восторженными кудрями. Смотрел и улыбался.

– Нетрудно ответить, – сказал Дик, поняв, что больше ничего не услышит. – Мы с Серпианой отправляемся в Италию. Искать следы короля Ричарда.

– А как же я?

– Что значит «как же ты»? Где тебя носит, хотел бы я знать?

– Где меня носит?! Да я уже месяц ищу тебя по всей Британии! А до того искал в Галлии... В смысле во Франции.

– И как это ты меня ищешь по всей Британии? Ты удесятерился?

– Что за глупый вопрос?

– У меня чисто научный интерес.

– Какой?!

– Научный.

– Вот слов откуда-то набрался...

– И это мне говорит ученый друид? Стыдись! Это слово я услышал от друидов. А теперь потрудись объяснить – куда это ты исчез из хрустального грота?

– Э... Трудно объяснить. Скажу только, что у меня были основания удрать оттуда. Я приблизительно полгода провел на Авалоне, в другом хрустальном «гроте». Под названием гроб.

– А-а... Вот в гробу я тебя еще никогда не видел!

– И не увидишь, – огрызнулся Трагерн. – Хватит с меня одного раза.

– Постой, ваша многоумная братия пришла к выводу, что ты умер?

– Как они могли сделать такой вывод? Меня из-под носа у Далхана вытащил Гвальхир. Подумал, что сейчас там у вас начнется черт знает что...

– Не чертыхайся.

– Извини. Короче, учитель решил, что меня надо спасать. Я согласился и стал ему помогать. Перенапрягся. И оказался в гробу.

– Так друиды подумали, что ты убит?

– С ума сошел? Если б это произошло, меня бы сожгли. На погребальном костре. Нет, о похоронах речи не было. Просто в авалонском хрустальном гробу сделана центровка энергетики. Это нужно для восстановления...

– Итак, когда можно будет тебя увидеть вживе? – перебил Дик.

Трагерн протянул ему руку:

– Тяни.

– Знаешь что, давай-ка через пару дней. Я сейчас не смогу тебя перенести – здорово выложился на Кипре.

– Была драка?

– Нет, так... Частные дела.

– Давай, тяни, не сомневайся. Подать мне руку у тебя сил хватит?

– Что, могуч стал, спасу нет? Уже и сам справляешься?

– Не все ж в учениках ходить.

– То-то я смотрю, и связь на этот раз устойчивее.

– Посох хорошо работает, – огрызнулся друид. – Ну что, даешь руку, лентяй? Или я вам уже без надобности?

– Позволь хоть в трюм спуститься, – усмехнулся Дик, приоткрывая один глаз – чтобы не налетать на людей и мачты, – но при этом не прерывая контакта. – Не хочешь же ты вывалиться на палубу на глазах у всех!

– Так вы на корабле? – вскричал Трагерн.

– А где же еще?

– Я думал, вы по суше путешествуете...

– С Кипра?

– Хм...

– Ну что, передумал?

– Нет, – решительно ответил друид. – Оборванцем больше, оборванцем меньше – думаю, моряки и не заметят, что появился лишний пассажир.

Как только Дик оказался в безлюдном уголке трюма, он протянул другу руку и решительно дернул его на себя.

Трагерн, впрочем, ступил на доски нижней палубы с достоинством и даже с важностью, не присущей ему прежде. Он был облачен в длинный и широкий друидский плащ с капюшоном – того цвета, который позволяет неподвижному человеку оставаться совершенно незаметным в лесу. Под плащом на нем было что-то вроде длинной – до щиколоток – котты[8 - Котта – широкая туника, надеваемая на нижнюю рубашку] с разрезами от колена. На голове Трагерна оказался золотой налобный венец с рисунком из колосков, переплетенных с рунами огама. На поясе висел золотой серп и какие-то мешочки, прямо пахнущие сухими травами, а на груди – вырезанная из дерева фигурка. Что она изображала, понять было невозможно.

– Каким ты франтом, – заметил Дик, оглядывая друга с головы до ног.

– Да, я наконец-то стал друидом, полноправным членом Круга, – гордо ответил Трагерн.

– А до того?

– До того был только учеником. Я думал, ты знаешь.

– Вот как? Я вижу, твои заслуги по снятию печати оценили довольно высоко.

– А тебе жалко? – обиделся друид. – Тебе-то с печатью тоже ничего не удалось сделать!

– Ладно, без ссор... А где твоя змея?

– Какая еще змея?

– Ну всем известно, что друидов всюду сопровождает хотя бы одна змея.

– Неверный признак. Ты же не друид...

– Но и я не змея, – улыбаясь, сказала выступившая из темноты Серпиана. – Я – серпентис, разница все-таки есть... Вы бы не кричали о друидах и змеях, господа, на весь корабль. А то придется не только глушащее заклинание накладывать, но и мозги морякам прочищать. А эти мозги еще искать надо, лишняя забота... Потихе, ладно? Рада тебя видеть, Трагерн. – Она обняла его одной рукой.

На ней наконец-то было нормальное платье, которое они купили в Акре в тот же вечер, как вернулись с гор, от источника. Покупать пришлось ношеное, у дочки трактирщика, и самое дорогое, праздничное, поскольку лишь его Серпиана могла надеть без гримаски недовольства на лице. Дик, конечно, купил ей ткани на новое платье, но не желал ждать, пока она что-то там сошьет: ей было холодно нагишом – иллюзия хоть и создает видимость приличий, но при этом совершенно не греет. Пришлось мириться с чужим платьем.

– Прекрасно выглядишь, – объявил друид, любясь невестой друга. – Румянец, глазки сияют...

– Не продолжай, – оборвал молодой рыцарь. – И не пяль глаза на чужое. И, кстати, снимай-ка свои друидские шмотки. Не будешь же ты в таком виде расхаживать среди христиан. Быстро окажешься за бортом и никому ничего не докажешь.

Он стащил с друга плащ, длинную котту и наголовник. Под друидическим облачением Трагерн оказался одет вполне обычно – рубаха да штаны. Герефорд решил снять с ремня все, что там было – серп, нож с роговой рукояткой, мешочки.

– Не пугай народ, – назидательно закончил он. – Заворачивай в плащ, живо. И в сумку. Вот сюда.

– Только-только стал друидом, а ты и покрасоваться не даешь.

– Терпи. Нечего тогда было ко мне проситься.

– Да вы ж без меня пропадете!

– А с тобой попадем. В неприятности...

– Мужчины, хватит препираться. Пива на корабле нет, вино под запретом, – рассмеялась Серпиана. – Нечем будет мириться.

– Женщина, мы не ссоримся, мы принципиальный вопрос выясняем – кто кому задолжал, за кем, стало быть, выпивка.

– Наверное, за мной, – со вздохом признал Трагерн. – Признаю, что в хрустальном гроте поступил нехорошо, готов при случае выставить бочонок эля и жду ваших распоряжений.

Друид и рыцарь-маг обнялись. Все эти препирательства были чем-то вроде доброй шутки – а как иначе двое мужчин могли показать, что они чертовски рады видеть друг друга? На палубу они выбрались, лишь обсудив все, что смогли. Дик узнал, что во время магической драки Трагерна ранило каким-то боевым заклинанием, прилетевшим то ли от Далхана, то ли от Герефорда, и он, осознав, что в этой ситуации способен только погибнуть, но ничем не сможет помочь, обратился к учителю. Тот его услышал и вытащил к себе. Впрочем, без активной помощи ученика он не смог бы сделать этого. Впервые в жизни Трагерн безупречно и мгновенно создал врата прямого перехода. Но ему, перенапрягшемуся, сразу после спасения потребовалось серьезное лечение. И лишь через полгода он смог предпринять первую попытку найти потерявшихся друзей.

Историю схватки с Рэил он выслушал затаив дыхание, как ребенок слушает любимую волшебную сказку. Впрочем, его суждения были вполне трезвыми и обдуманными. Он предположил, что Далхан сдался в первую очередь потому, что оказался оторван от своих «соратников», снабжающих его энергией. «Любой слугитель Ангела Зла слаб тем, – объяснил он, – что в одиночку стоит очень мало. Последователи Сатаны сильны, когда они сплочены. И сплотиться им нетрудно – образ Зла слишком привлекателен. Он – как соль, которая придает жизни вкус. Стезя Добра большинству кажется слишком пресной. И все потому, что они ценят в жизни только телесные блага. Они не способны найти разнообразие в самих себе».

– Все это слишком умно для такого тупого рубаки, как я, – оборвал его Дик. – Соль, Стезя Добра и Зла... Я вот о чем хотел спросить – значит, чтобы одолеть

Далхана, я должен тащить его на окраины вселенной?

– А ты собираешься с ним биться?

– Ну как же иначе. Нюхом чую, что этот красавчик еще появится на сцене. И придется мылить его холеную шею... Не люблю высокородных. Все они настолько изнежены, что кажутся бесполезными существами... Впрочем, нет, вру. Не все. Мой король – мужик что надо.

– Потому ты и собираешься его спасать? – спросил Трагерн, глядя на друга с необычной серьезностью.

– Не только потому. Или ты, как и Сериана, будешь меня убеждать, что этого делать не стоит?

– Мне, говоря по чести, нет дела до короля Англии. Но мне дорога Британия. А сейчас там творится черт знает что...

– Не чертыхайся, – машинально поправил Дик. – Что там творится?

– Ты легко догадаешься сам. О том, что государь попал в плен, уже всем известно. И началась дикая грызня за власть. Бедного Артура чуть не задушили...

– Артура? Сына принца Готсррида?

– Его самого. Одного из двух предполагаемых наследников. Поскольку Ричард поспешил женить его на дочке Танкреда, все решили, что именно он и должен быть правителем. Тем более – он еще мальчишка, пяти нет, и Регентский совет во главе с королевой Альенор Аквитанской...

– Стоп, какой еще Регентский совет? Его же не было!

– Уже есть. Регентскому совету прихлалась по вкусу мысль править за малыша. Когда еще ему стук нет шестнадцать... Но тут принц Иоанн Мортен напомнил о своем существовании. Помнишь латынь? *Cui prodest scelus, is fecit!* [9 - Кому было выгодно преступление, тот его и совершил (лит.).] То есть...

– Я знаю, что это значит.

– Разумеется, принц постарался не оставлять следов, да и не сам он отправился душировать несчастного мальчика. Но факт остается фактом – кто-то стремился устранить препятствие с пути Иоанна. Младший сын Генриха настаивает на том, что трон Англии должен принадлежать ему – при том, что его брат еще жив. Так что на Британских островах льется кровь, и лишь потому, что знать решает, кто будет править страной в отсутствие Ричарда – его мать или брат. Представь себе подобную тяжбу...

– Я вижу, ты увлекся политикой, – развеселился Дик.

– Но это же захватывает, совсем как тараканьи бега! Особенно если не тебя при этом топчут боевые кони.

– Смерть как интересно, что в ответ на подобный дележ сказал бы мой король.

– Можно себе представить. Нет, что ни говори, хоть Ричард и дурной король (как сказал мой учитель, со времен Альфреда Великого он припоминает лишь парочку таких же бестолковых королей), все-таки лучше он, чем война за власть. Он драл лишь положенные и оговоренные налоги, а сейчас войска вытаптывают поля, убивают англичан сотнями и тысячами, а у выживших выгребают из амбаров все подчистую.

– Так обычно и бывает, когда знать начинает рядиться, у кого больше прав на престол.

Они поднялись на палубу. Любой, кто смотрел на Трагерна недоумевающе, вопросительно или удивленно, встречался с его безмятежным взглядом и непринужденным жестом – и уходил, твердо помня, что это Джон Форестер, оруженосец графа Герефорда, и плывет на этом корабле от самой Акры, как и все. Магия была такой слабой, что Дик почти не ощущал ее.

То ли после путешествия по Сирии, то ли после посвящения, но Трагерн стал держаться намного увереннее и даже солиднее. Ушли юношеская порывистость, склонность к необдуманным поступкам, подсознательное желание блеснуть обретенным искусством. Друид по-прежнему пользовался магией там, где надо,

и там, где, по зрелом размышлении, без нее можно было обойтись, но теперь молодой рыцарь видел, что его спутнику не шестнадцать лет.

Он знал, что другу далеко за пятьдесят.

Все втроем они уселись у мачты торгового корабля и продолжили разговор.

– Так расскажи мне подробнее, – попросил Дик, усевшись на каком-то мягком тюке и притянув к себе шьющую Серпиану.

– О чем?

– О принце Иоанне. О мадам Альяенор.

– О, Альяенор... Прелестная королева! Я когда-то подумывал ухлестнуть за ней. Даже всерьез собирался.

– Пробрался бы в королевский дворец?

– Нет ничего проще. Или на охоте. Последнее было бы даже удобнее.

– Так что же тебя остановило?

– Уверенность в успехе. Когда знаешь, что обязательно добьешься своего, пропадает азарт.

В ответ Герефорд усмехнулся настоящей светской улыбкой. Для него, бывшего деревенского жителя, женская добродетель значила очень много. Он ценил в женщинах скромность и верность. Но в свете в последнее время на подобные вещи начинали смотреть иначе. Может, потому, что удалившиеся в Святую Землю сеньоры и думать забыли о своих супругах. Они развлекались с мусульманками, и им не было дела до того, с кем развлекались их жены – тем более что подробности оставались в глубокой тайне. При королевском дворе ценилась не христианская добродетель, а доблестная изворотливость.

Рыцарь-маг не любил таких женщин, как Альяенор Аквитанская или Альяенор Йоркская, но ему не было дела ни до них, ни до их поведения. Потому он был

снисходителен.

Он погладил Серпиану по руке. Она хоть и ответила ему улыбкой, выглядела растерянной и смущенной. И задумчивой – с тех самых пор, как вернулась от источника. И когда Трагерн, утомившийся после перехода, отправился в трюм отдыхать, она шепотом спросила жениха:

– Ты подумал о нашей первой встрече? С трудом вспоминаю, но, кажется, я вела себя тогда довольно... вызывающе.

– Родная, я все прекрасно понимаю. Знаю по опыту, что, скажем, после боя человек иной раз ведет себя настолько странно... А уж после воскрешения... – Он поколебался. – Ты знаешь, что именно тогда произошло?

– Откуда же мне знать?

– Я воскресил тебя только наполовину... А наполовину... поднял... как живого мертвеца.

Надо признать, этот удар она перенесла с честью. Лишь на мгновение ее глаза потемнели, словно Серпиану опьянил гнев. Но потом она справилась с собой и опустила взгляд.

– Я понимаю, – сказала она с усилием. – Немудрено совершить ошибку, если плохо представляешь, что именно надо делать.

– Теперь все в порядке, – заверил он. – После купания в источнике.

– Я знаю. В магическом источнике живые мертвецы рассыпаются прахом. Раз этого не случилось со мной, значит, теперь я по-настоящему жива... И, конечно, прекрасно понимаю, почему при нашем первом разговоре вела себя так неприлично. Я всего лишь отвечала твоим внутренним желаниям... – Она помедлила и пояснила: – Как желаниям хозяина.

Он обнял ее и поцеловал, хотя на самом деле ему хотелось залезть в щелку между досками от стыда. Тяжело было говорить, тяжело просить прощения, но мужчина должен отвечать за свои поступки. Может, именно потому, что был

слишком занят своими переживаниями, он не заметил ее отчужденности и слабой попытки избежать объятий.

– Ты сердишься на меня? Справедливо.

– Нет, не сержусь, – грустно сказала девушка. – Ведь ты все исправил.

Дик целовал ее пальцы, стараясь не обращать внимания на то, как кровь приливает к лицу. Не хотелось, чтобы это кто-нибудь заметил, потому он не поднимал головы.

– А любовь? Родная? Твоя любовь – она тоже... Тоже – след моих желаний?

Сериана отвела глаза:

– Теперь не знаю.

Он закрыл лицо руками. Но ненадолго. Не годится показывать всем, что ты чувствуешь.

– Как бы там ни было, я тебя люблю, – сказал он тихо, но решительно, усилием воли притушив невыносимую тоску в сердце. – А ты, разумеется, вправе делать выбор.

– Я дала тебе слово, – сказала она медленно. – Это я помню.

– Не желаю, чтобы к только что сказанному тебе хотелось добавить «к сожалению». Я буду ждать, пока тебе не захочется опять дать мне это слово. Но уже от всей души.

– А если этот момент не наступит? – подумав, спросила она.

– Тогда я буду ждать вечно.

Он встал и ушел вслед за Трагерном в трюм – у него внезапно разболелась голова.

Несколько торговых кораблей неслись по ласковым лазурным волнам Средиземного моря – в одиночку никто из торговцев не решился бы пересекать эти воды, кишасшие пиратами. Солдаты и рыцари свысока смотрели на купцов, но зря. В те времена торговцы прекрасно понимали, что иначе чем силой отстоять свой товар в этом безумном мире невозможно. В большинстве своем торговлей занимались крепкие ребята, знающие, с какой стороны у меча рукоять, решительные, смелые и безжалостные. К себе на службу они нанимали таких же, и потому торговые корабли отличались от боевых только грузоподъемностью и скоростью.

А уж собравшись группой в шесть-восемь судов, путешествовать в далеких краях куда спокойнее и безопаснее.

Эта «армада» заходила в каждый крупный порт на своем пути, и оттого дорога до Италии получилась очень долгой. Мира, Родос, Крит, даже Коринф, и лишь после того как торговцы загрузили трюмы амфорами с отличным греческим вином и оливковым маслом, они направили корабли в сторону италийского полуострова, юг которого принадлежал Танкреду де Лечче, а север – Генриху. В мессинском порту хозяин корабля, на котором плыли пассажиры, не собирался останавливаться надолго – лишь пополнить запасы провизии и воды. И поэтому, когда купец со встречного «торговца» прокричал ему суммы поборов, которые ждут собрата в Мессине (похоже, король Танкред решил таким образом возместить суммы, выплаченные английскому государю), владелец груза, хмурясь, подошел к Дику с предложением:

– Давайте-ка я высажу вас где-нибудь в Реккьо. Нет уж, в Мессину я заходить не буду, и вообще на остров ни ногой. Решайте, ваша светлость, куда вам надо. Если именно в Мессину, так можно посадить вас в Гриффене. Оттуда вы переправитесь в городок на любом пароме.

– Пожалуй, Реккьо мне подойдет как нельзя лучше, – равнодушно ответил Дик, которому такой вариант был даже удобней. – Высади меня там.

– Ну вот и поладили, ваша светлость.

Как фамиллярность, так и непривычное обращение «ваша светлость» граф Герефорд перенес бесстрастно. В последнее время он был очень замкнут и молчалив, но ни в чем ином его мрачный настрой не проявлялся. При этом даже

Трагерн, целиком поглощенный своим недавним превращением из ученика в полноправного друида, заметил, что что-то идет не так, как всегда. Какое-то время он лишь молча следил за другом и его невестой (по крайней мере, внешне все осталось почти как было), за тем, как он дарит ей подарки и как она их принимает, а потом тихонько спросил:

– Ты поссорился с Аной?

Молодой рыцарь лишь молча посмотрел на него, и друиду сразу стало ясно, что это не его дело.

Первым человеком, который в Рекью поднялся на борт купеческого корабля, был сборщик податей. Но его король был далеко, и служака оказался покладистым: он взял мзду в мешочке и согласился считать, что эти шесть «торговцев» к городу никогда не подходили. Они и в самом деле не заходили в порт – отрабатывая взятку, сборщик сам прислал суденышки, груженные провизией и бочонками с водой. Возвращаясь обратно, плоский, как паром, грузовой кораблик увез на берег графа Герефорда, его оруженосца и молчаливую девушку, а также двух коней.

На берегу граф расплатился.

– Спасибо, ваша светлость, – по-французски сказал итальянский перевозчик. Это была единственная фраза, которую он потрудился выучить на всех расхожих языках Средиземноморья.

Когда путники немного отошли, Трагерн взглянул на Дика с лукавой улыбкой:

– Неплохо бы и пообедать, а, ваша светлость? И чем-нибудь свежим, не солониной.

– Прекрати меня так звать, Джон. Какой из меня граф?

– Самый настоящий... Ладно, *monsieur le comte*, [10 - Господин граф (фр.).] пошли пожуюем чего-нибудь.

Они нашли вполне приличную таверну, где перед английским сеньором, возвращающимся из Святой Земли, склонились в три погибели, не дожидаясь, пока он начнет орать. Молодой рыцарь сперва удивился, как они угадали, а потом вспомнил золотую цепь, которую в память об отце и государе продолжал носить на груди, да камзол, да прекрасного коня и шпоры. Пожал плечами и не стал никого ни в чем разубеждать. Услужливость была тем более, кстати, что он слишком устал и не желал ругаться, грозиться и требовать, равно мог не особенно считать деньги.

Впервые в жизни мелкие суммы перестали быть для него проблемой. В самом крайнем случае он мог бы попробовать поискать клад – рыцарь-маг готов был биться об заклад, что сможет подобрать соответствующее заклинание. А не он, так Трагерн что-нибудь придумает.

Путники заказали поросенка, рыбу, запеченную с морковью, лепешки с оливковым маслом и колбаски с перцем. Трактирщик заверил, что мясо для колбас он рубит собственноручно, что кишки набивает фаршем его супруга, из рук которой выходят лучшие колбасы в Италии, – словом, господа останутся довольны. А что касается вина... Что пожелают благородные посетители?

– Какое-нибудь хорошее, – равнодушно ответил Дик.

– Красное, белое, розовое, темное, сухое, сладкое, спокойное, игристое, крепленое?

– Кхм... – поперхнулся Дик, знавший толком лишь два типа вина – «хорошее» и «мерзкая кислятина».

– Могу предложить отличное кьянти. Самое лучшее кьянти, изготовлено строго в соответствии с «говерно аль узо Тоскано».[11 - «По тосканскому обычаю» (ит.).] Это очень затейливый процесс, когда винное сусло приготавливают из частично увяленного винограда, – чтобы было больше вкуса и меньше воды, – а потом его добавляют к новому вину, после того как его брожение уже закончилось. А в результате... О! – Трактирщик при щелкнул языком. – Какой напиток!... Он бродит повторно, выдерживается, а после получается такое энергичное, приятное вино, полное аромата, слегка шипучее, радующее язык и душу, что... Есть у меня орвието из Умбрии, великолепное вино бледно-золотистое, как волосы красотики, нежное, как ее ладони... Есть соаве, белое, как невинность, и

совсем молодое – а его, как вы, господа, конечно, знаете, следует пить именно молодым... Поверьте, синьоры, мой винный подвал сможет удовлетворить все ваши взыскательные вкусы.

– Давай каждого по бутылке, – потребовал Трагерн, опьяневший от одного перечня. – И еще какого-нибудь сладкого для дамы.

– Для дамы есть орвието сорта «аббокато», замечательное сладкое золотистое вино...

– Давай, неси-неси...

Дик молчал. Разговаривать ему не хотелось. Он лишь слегка наклонился к Серпиане и спросил:

– Может, ты предпочтешь заказать что-нибудь другое? Он так по-хозяйски распоряжается...

– Пусть. Я с удовольствием поем то, что подадут.

Он не удивлялся ее задумчивости, ее смятению и грусти. Она пыталась разобраться в себе, как и он. Но у девушки ее чувства к жениху вызывали больше сомнений, чем у Герефорда – его чувства. Теперь он точно знал, как относится к Серпиане – или Йе-рел, уж как угодно – и чего хочет от нее. Но видел, что она в себе сомневается.

Молодой рыцарь помнил ее слова: «Мы выбираем супруга один раз и на всю жизнь» – и понимал, что никакие силы не изменят ее стремления сперва разобраться в себе, а потом уже решать. Девушка не позволяла себя обнимать, сторонилась поцелуев, о большем и речи не было, и Дик перестал делать попытки. Он обходился с ней ровно, ласково и пытался оказывать любые знаки внимания, какие только приходили ему в голову, но ни на чем не настаивал. «Не делай ее выбор еще более сложным, – говорил он себе, когда так хотел обхватить эту гибкую тонкую талию, погладить плечи. – Держи себя в руках».

Он отправил Трагерна спать на конюшню, а Серпиану уложил на единственную в комнате кровать. Раньше они легли бы вдвоем, но теперь он устроился на полу и

долго не мог уснуть. Слишком там было жестко и непривычно.

Глава 5

Королю не спалось, а потому он не дал отдохнуть своим людям. Ричард направлялся на север, видимо, полагая добраться до купеческого тракта, проходящего по северной границе Веронской марки. Там легче было затеряться. Впервые оставшись без войска (прежде, даже пускаясь в рискованные авантюры вроде прогулки по Италии в одиночку, то есть с маленьким отрядом рыцарей, государь знал, что в случае необходимости ему есть на что опереться – армия не так далеко), король понял, что и с ним может случиться несчастье.

Это открытие поразило его не на шутку. Прежде небо было таким ясным, а солнце – таким теплым и ласковым, но теперь оно смотрело с небес не без угрозы. Государь Английский гнал свой маленький отряд почти без передышки, он стал беспокойным и нервным. Ричарду и в самом деле захотелось выглядеть незаметнее. Он больше не надевал одежд со своими гордыми гербами, слугам и оруженосцам тоже приказал поснимать расшитые сюрко. Ему казалось, что он ничем не отличается от обывателей-итальянцев или путешественников.

Государю Английскому и в голову не приходило, что оружием и доспехами он выделяется в толпе, как прокаженный с колокольчиком, – дорогой одеждой и обувью, арабским жеребцом и изрядной свитой, манерами, в конце концов.

Миновав Триесте, он решил, что надо непременно раздобыть разрешение от местного сеньора, как это делают купцы, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Вряд ли поверят, что этот рослый, явно богатый путешественник со свитой – торговец, но, может, увидев хозяйский разрешающий знак, не станут присматриваться? Быть может. Но как же получить это разрешение?

Явиться к местному сеньору? Ну нет. Назвать себя нельзя, потому что владелец Горица, хозяин этих земель, состоит в близком родстве с фамилией Конрада де Монферра... Это ж как много у него родственников, уму непостижимо!... Может, назваться другим именем? Тоже нет. Сеньора не обманешь. Высшая знать слишком немногочисленна, здесь как в небольшой деревне – все всех знают, и вряд ли удастся кого-то обвести вокруг пальца. Только еще больше

насторожатся.

Ну хорошо, нельзя так, можно иначе. Зачем существуют слуги? Правильно, чтобы прислуживать, угождать и решать проблемы хозяев. А если при этом слугам приходится рисковать жизнью... Что ж, такова их доля.

Одному из прислужников короля был вручен перстень с огромным рубином, имеющим форму сердца, – дорогая вещь, от которой у любого графа глаза разгорятся. Рубин, вставленный в оправу, имел густой кроваво-красный оттенок и был знаменитым индийским камнем из Пегу, который английскому правителю продали пизанские купцы. Стоил он изрядно, и Ричард очень надеялся, что жадность сеньора из Горица перевесит его же любопытство.

В первый момент, когда слуга садился в седло резвого конька, ощупывая дорогое кольцо, повернутое камнем к ладони, его, конечно, посетила заманчивая мысль о том, что неплохо бы сделать ноги. Ну их, этих сеньоров, пусть разбираются сами. Однако слуга, владеющий подобной драгоценностью, вызовет столько подозрений, что любой власть имущий посчитает своим долгом засадить его в подземелье и добиваться подробного рассказа – как, когда и у кого. А узнав правду, повесит хотя бы просто в назидание собственным слугам. Нет уж, тут поневоле будешь честным.

До Горица скакать и скакать...

Замок Горица стоял на берегу реки, на скальном основании, его окружал неглубокий ров, с огромным трудом выдолбленный в камне. Разумеется, никто не взялся бы долбить скалу, если б там уже не было хоть какой-нибудь выемки, облегчающей труд. И в самом деле, скалу, на которой возвели замок, окружало несколько изрядных промоин, по которым весной и осенью в реку шла вода. В некоторых местах их пришлось лишь чуть-чуть углубить.

По мосту слуга перебрался благополучно, дальше его остановили, и объяснения, что он пришел от своего господина по делу к местному владельческому графу, не помогли. Пришлось уточнить, что он явился за разрешением на проезд по землям.

Ждать, пока у графа выдастся свободная минутка, пришлось долго. Слуга успел полюбезничать с кухаркой, получить миску пареной фасоли с оливковым маслом

и подремать на сытый желудок в большой копне сена. Он не торопился – с чего бы, ему и так хорошо.

Граф приказал привести посланника к себе; он сидел у камина в широком, убранном дорогушим бархатом кресле. Его супруга, полненькая светловолосая дама с высокомерно поджатыми губами и маленьким носиком, похожим на пяточку стрелы, сидела за вышиванием, тем же занимались и две молоденькие дочки. Вышивали покрывало на алтарь. В стороне служанки латали платье госпожи, пытаясь сделать так, чтобы заплатка была незаметна – госпожа была большой модницей. Кланяясь графу Горица, слуга мимоходом оглядел служанок и одну, пухленькую, мысленно выбрал на ночь.

Сеньор скушающе покосился на незнакомца и небрежно спросил:

– Ну чего?

Графиня сжала губы так, что они превратились в ниточку, и неодобрительно взглянула на супруга. На ее лице было написано: «Вот учу, учу, а все без толку. Так и продолжает говорить, будто пейзаж какой-то». Мадам явно гордилась своими манерами, надменными и претенциозными.

На всякий случай поклонившись еще разок, слуга объяснил, что тревожит графа по поручению своего господина, который просит разрешения на проезд по этим землям и посылает подарок. Тут он с явным сожалением снял с пальца кольцо и протянул графу.

Как только граф увидел рубин, в его глазах тут же вспыхнул интерес. Он взял украшение, повертел в пальцах, посмотрел на свет. Красивая безделушка привлекла внимание и супруги владельца Горица. Она оставила вышивание и подошла к камину. Дочкам, судя по всему, тоже хотелось взглянуть, но они не смели подняться с места, не получив разрешения суровых родителей.

Полюбовавшись светом, играющим в кроваво-красном камне, местный сеньор перевел взгляд на принесшего перстень слугу. В его глазах тлела легкая ирония. Впрочем, чтобы ее заметить, нужна была изрядная доля проницательности, а подобное умение слугам ни к чему.

– Кто послал тебя просить у меня проезда? – спросил он.

– Странники, возвращающиеся из Иерусалима, – заученно ответил тот.

– Как их зовут?

– Один называет себя Балдуин Бэтюнский, а другой, который послал вам этот перстень в подарок, – Гуго, купец.

Граф внимательно рассматривал рубин, имеющий форму сердца, поворачивая кольцо то так, то эдак. Долго молчал.

– Ты говоришь неправду, – сказал он наконец и усмехнулся. – Человека, который послал мне в подарок этот перстень, зовут не Гуго, купец, а Ричард Плантагенет, король Английский. Не так ли? – Сеньор взглянул на съездившегося от ужаса слугу, и его насмешка стала зримой. – Но так как он, не зная меня, решил почтить своим подарком, то я не буду его удерживать. Отвези перстень обратно королю и скажи, что я даю ему полную свободу проезда по моим землям.

В глазах перепуганного до полусмерти королевского слуги мелькнула радость. Слуга поспешно выскочил из покоев хозяина, пока тот не передумал, а владетель Горица взглянул на своего оруженосца, пажа, возящегося с собакой у его кресла.

– Позови капеллана. Пусть принесет тот кусок пергамента, который хранится у нас в ризнице. Надо бы братцу несколько слов черкнуть. Ты отвезешь послание да передай братцу чтобы пергамент отправил обратно. Насколько я помню, он сейчас в Градиске. Не заплутаешь. – Граф задумчиво посмотрел в огонь. – Думаю, ему будет интересно узнать, что по нашим землям бродит сам король Английский, да еще и без войска. Пусть он и ловит его, а я в сторонке постою...

Когда слуга добрался до таверны, где остановился король, он передал ему перстень и слова графа, и от великого облегчения, что с ним не сделали ничего страшного, наговорил множество комплиментов местному хозяину. Ричард был удивлен – он не привык к бесплатным любезностям тех вельможных сеньоров, которые не зависели от него. То ли граф желал в будущем получить какую-нибудь выгоду от английского короля, то ли боялся чего-то, например мести? Плантагенет отправился в путь с опаской, решив обойти замок Горина стороной

– мало ли что. Но на землях графа его никто не пытался задержать, никто не препятствовал путешествию. Успокоившись, государь Английский приказал остановиться в таверне при дороге и отдохнуть.

Свита неукротимого Ричарда буквально повалилась с коней. Балдуин Бэтюнский и Вильгельм Этангский со стонами доползли до постелей, устроенных не на кроватях, – откуда в этом захолустье настоящие кровати? – а на соломенных тюфяках, по даже этому были несказанно рады. Слуги, шатаясь, расседывали и обтирали измученных лошадей, переносили сумки с пожитками, король же тем временем ввалился в общий зал и громовым голосом, от которого завывали собаки, потребовал вина.

Он решил отдохнуть на этом постоялом дворе, и как можно дольше. Где это видано, чтобы король гнал по чужой земле без передышки, поедая что попало, приготовленное его слугами на кратких стоянках? Король должен двигаться по стране величаво и неспешно, в окружении огромной свиты, останавливаясь в каждом встречном замке и наслаждаясь гостеприимством хозяев – подобострастным гостеприимством, надо отметить. Ужасно, что приходится тащиться по окраинам Священной Римской империи и в самом деле словно купчишка какой.

Чтобы утолить горечь своего нелепого положения, Ричард приказал принести самое сладкое итальянское вино, которое только было. Смакуя густое и крепкое речиноте амароне, он пытался понять, в самом ли деле так ужасно это путешествие или нет. С одной стороны, унижительного положения беглеца он не заслужил, видит Бог, не заслужил. С другой стороны, в подобном странствии есть что-то романтическое. Будет что вспомнить потом – так подумалось ему, и тут же в глубине сознания чей-то незримый голос добавил: «Если все закончится благополучно». Казалось, эти слова очень похожи на то, что мог бы сказать Эдмер Монтгомери. Английский государь вдруг очень пожалел, что с ним рядом нет Эдмера. Уж он бы нашел самый безопасный путь в Англию.

В трактире Ричарду понравилось. Это заведение при дороге было совсем маленьким – общий зал и комнатка, предназначенная для случайного знатного или просто очень богатого путешественника. Там только и был соломенный тюфяк, но уставшему Ричарду и он показался удобным. Король заказал сразу несколько поросят, гусей и каплунов, даже не спрашивая, есть ли у хозяина припасы. Тот не стал спорить, но тут же махнул дочке – и она ускакала на неоседланной кобылке в соседнюю деревеньку. Вино трактирщик подал сразу

же, надеясь, что упившиеся господа не вспомнят, сколько всего они разом назаказывали.

Расчет был верен: попробовав неббиоло, вальполичеллу и речиоте амароне, господа развеселились и с удовольствием поедали омлет, колбаски с перцем, лепешки с чесноком и оливками, пока на кухонном очаге поспевали поросята и гуси, нафаршированные яблоками и сливами нового урожая. Первая супруга трактирщика (или скорее уж не супруга, поскольку была не единственной) принесла фрукты, вторая подала миски, которых на постоянный двор было всего три, а третья, самая молодая, смуглая, стыдливо закрывая лицо грязной ладонью и передником, носила из подвала вино кувшин за кувшином. Судя по всему, у трактирщика дела шли на лад, раз уж он мог содержать и трех женщин, и всех детей от них.

Потом подали горячее мясо. Свита английского короля, с жадностью расхватывала куски поросят и гусей, и было уже неважно, граф или слуга, – кто дотянулся, тот и получал еду. Ричарду подали обед па отдельном блюде, и, глядя, как его люди отталкивают друг друга от яств, он смеялся. Почему бы и не посмеяться? Положение оберегало его от подобной толкотни, он мог наслаждаться своим мясом без спешки.

В первый же вечер король заплатил трактирному хозяину несколько золотых. На пяток подобных монет византийского образца – тяжелых, крупных номисм – можно было, наверное, купить целую деревню. Трактирщик кланялся, как китайский болванчик, и предлагал гостям разные лакомства, которые только мог изобрести.

Да Ричард, впрочем, и сам решил немного отдохнуть.

А через несколько дней на постоянный двор явился незнакомец. Он был при шпорах, верхом на малорослой итальянской лошадке – ухоженной, с подстриженной гривой, – и при длинном одноручном мече с красным камешком в рукояти. В трактире приезжий заказал себе мяса и самого слабенького вина, какое только было. Он внимательно присматривался к королю Ричарду и его свите, а потом заговорил на французском, причем не просто французском, а чистейшем нормандском наречии. От изумления король Английский даже забыл о том, что ему надо бы скрываться, и набросился на рыцаря с расспросами.

Тот рассказал, что звать его Рожер из Аржантона, что он и в самом деле нормандец, а здесь на службе у сеньора Градиски и сейчас едет в Горицу с посланием. Что ж, для того времени ситуация была самой обычной. Рыцарь, не способный выжать из своей жалкой деревеньки достаточно податей, чтобы наесться, напиться и одеться (в особенности если он был шестым сыном после семи дочерей), вынужден был искать себе пропитание где-нибудь еще. А что он умел, кроме как воевать? Ничего. Так что ему приходилось наниматься на службу к любому знатному и богатому сеньору, который мог оплатить удовольствие иметь под рукой десяток рыцарей в придачу к личной гвардии наемников. Нормандец, видимо, искал себе хозяина побогаче, вот его и занесло в Северную Италию.

Он был уже немолод, годы походной жизни наложили свой отпечаток. Шрамы пятнали и руки, и щеку, и даже шею. Взгляд, привыкший пристально следить за противником и крестьянами, прячущими добро, был глубоким и пронизательным. У него не было ни жены, ни детей, и всю страсть к жизни он перенес на войну. Удовлетворив любопытство собеседника, он сам начал задавать вопросы.

Сперва Ричард вспыхнул: что за дерзость, какой-то рыцарь смеет разговаривать с ним, королем, словно с равным! Но потом он вспомнил о своей роли (тем более что Рожер из Аржантона беседовал с ним уважительно, не так, как стал бы болтать с братом или, скажем, с купцом, то есть простолюдином) и постарался отвечать на все вопросы охотно, как можно туманнее.

Желая сойти за торговца, но и оправдать прекрасное знание нормандского диалекта, он заявил, что родом из Алансона, городка на границе Нормандии, Перша и Мана, но рыцаря оказалось не так легко провести. Он, как выяснилось, прежде погулял по просторам родной страны, прекрасно знал эти края и потому стал расспрашивать мнимого Гуго о подробностях. Ричард с ужасом понял, что ничего толкового ответить не может. В Алансоне, хоть это и его земля, он никогда не был, не представлял себе, как выглядит этот городок, даже с окрестностями был знаком мало. И сказать ему было нечего.

А Рожер все следил – пристально, внимательно – за каждым изменением лица собеседника, и надо было хоть как-то делать хорошую мину при плохой игре.

Король принужденно рассмеялся:

– Ну хорошо. Отдаю должное твоей проницательности, рыцарь. Признаюсь. Да, я не купец и не из Алансона. Я не Гуго. Я – Ричард Плантагенет.

Он ожидал, что Рожер вскочит и поклонится. Рыцарь так и сделал, но неспешно, с чувством собственного достоинства и, надо отдать ему должное, с полным пониманием ситуации. В самом деле, он хоть и бедный рыцарь, но вне опасности. Он на земле своего господина, где его знатному собеседнику грозит опасность быть взятым в плен.

Но! Даже взятый в плен, король находится в более привилегированном положении, чем какой-то рыцарь. С ним, даже заключенным под стражу, будут обращаться с должным уважением, а рыцаря, если он попадется в плен к какому-нибудь правителю, могут и попросту казнить. Что с ним возиться?

– Вы рискуете, ваше величество, находясь на этих землях, – сказал он медленно.

В общей зале постоянного двора воцарилась тишина – вся свита прислушивалась к щекотливому разговору.

– Но граф Горица дал нам разрешение на проезд! Разве он кривил душой?

– Лишь чуть-чуть, ваше величество. Он и в самом деле ничего не собирался предпринимать против вас. Но зато известил о вас своего брата, который и отправил меня проверить все окрестные таверны.

– Salle bkte! Crapule! Gredin![12 - Грязная тварь! Подлец! Мерзавец! (Фр.)] – закричал Ричард, не слишком стараясь, чтобы его не было слышно – итальянцы все равно не поймут, а присутствующие здесь французы все прекрасно понимают. – Ну и что же теперь?

– Ваше величество, я должен буду известить своего сеньора о том, что вы находитесь здесь, – вежливо сказал рыцарь.

– Почему же?

– Ваше величество, это мой долг.

– Но разве ты не был моим вассалом, рыцарь?

– Я поступил на службу к сеньору Градиски, когда истек срок присяги сеньору Руанскому.

– Однако согласись: служить королю Английскому куда выгоднее, чем местному мелкому владельцу. Не так ли?

– Согласен.

И тут всем стало ясно, куда клонят оба. Рыцарь Рожер из Аржантона желал получить вознаграждение за свою преданность королю, а король... А король желал, чтобы эта преданность была ему явлена.

Когда два человека так единодушно приходят к общей цели, договор заключается быстро. Рыцарь посоветовал правителю Англии бежать отсюда, и как можно быстрее, в ответ Ричард заверил его в своей благодарности, подарил золотой кубок и перстень – менее приметный чем, тот, с рубином, который так и не принял граф Горица, – а в придачу мешочек золотых. Якобы на подкуп. На подкуп кого – было неясно, и даже самый наивный человек понял бы, что рыцарю просто платят за измену, стараясь представить неблагоприятный поступок как благовидный.

Впрочем, Рожер, получив щедрую мзду, свое слово сдержал. Вернувшись в Градиску, он объявил своему сеньору, что никакого Ричарда не нашел: возможно, слух о прибытии короля был ложным (кто-то из купцов, наверное, глупо пошутил). Но в одной из придорожных таверн обнаружился его соотечественник, Балдуин Бэтюнский, возвращающийся из Палестины. Врал он убедительно – иначе в суровом и взыскательном христианском мире не проживешь. Владелец Градиски пришел в ярость. Он так рассчитывал на поимку знатного пленника, за которого либо с Генриха VI, либо с Леопольда Австрийского можно было бы получить изрядный выкуп, и теперь ему казалось, что кто-то оставил его в дураках.

Конечно, обвинить в этом исполнительного рыцаря, нормандца Рожера, не было никаких причин. Он стоял перед своим сеньором с суровым выражением лица и равнодушно смотрел на него – истинный воин, неизменно верный присяге. Граф смягчился.

– Отдохни, – милостиво разрешил он. – С этим Балдуином разберутся и другие мои люди.

Разумеется, получив от Рожера из Аржантона заверения, что никто ни о чем не узнает, Ричард и не подумал немедленно покинуть постоянный двор. Вернее, собирался, но для него «немедленно» означало «немедленно после обеда». Ну нельзя же, в самом деле, пускаться в путь на голодный желудок! Это чертовски глупо, особенно если вспомнить о великолепной кухне этого трактира, о винах и вкуснейших колбасах. Хозяин заведения не зря расхваливал свои колбасы – они и в самом деле показались избалованным сеньорам на редкость вкусными.

Потом из подвала появилась новая порция молодого белого вина альто адидже – его изготавливали неподалеку от Градиски, чуть севернее Удино. Досталось и слугам, они с удовольствием наполняли деревянные и глиняные кружки, славя своего короля. Сеньоры выпили за благополучный исход дела.

Стук копыт по булыжнику и легкий звон металла – так позвякивают наплечники по кольчуге да пояс бренчит, если он обшит металлическими бляхами, – услышали не сразу, а когда услышали, самое время было хвататься за оружие. Заржали у коновязи лошади, им отозвались кони новоприбывших, и Ричард вскочил, выхватывая свой меч. За ним следом повскакивала вся свита.

– Эй! – Чей-то громовой голос перекрыл шум неразберихи во дворе. – Где тут этот граф Бэтюнский? Где Балдуин?

На миг на лице короля Англии появилась обида. Как же так? При чем тут Балдуин Бэтюнский? Почему гоняются за ним, если тут есть более знатный вельможа, сам король? Зачем им какой-то граф? Но в следующее мгновение неуместная спесь была вытеснена настоящим беспокойством за свою жизнь. Значит, Рожер из Аржантона не обманул, он и в самом деле скрыл, что здесь английский государь. Но не скрыл наличия других рыцарей, возвращающихся из Палестины, подданных английского короля, и назвал их имена.

А впрочем, что ему было делать? Должен же он был хоть что-то сказать.

Бледный как смерть, Балдуин из Бэтюиа мысленно подсчитывал, сколько сможет предложить за себя в качестве выкупа. Потом он в любом случае заставит

Ричарда заплатить ему эту сумму. Ведь все из-за него.

Слегка успокоившись, он великодушно предложил:

– Бегите, ваше величество. Бегите через кухню. А я прикрою ваш уход.

– Благодарю, Балдуин, этого я не забуду, – пообещал Ричард и, прихватив свой меч, выскочил в кухню.

За стенами постоянного двора он, конечно, почти сразу забыл о Балдуине – у него и без того была уйма проблем. Он подозвал хозяина трактира, вручил ему две золотые монеты и приказал, во-первых, молчать о том, что кто-то убежал, а во-вторых, потихоньку привести хотя бы двух коней. Ради двух золотых итальянец готов был рискнуть головой. Он пообещал помочь.

И в самом деле помог. Бодуэна Бэтюиского и тех слуг, которые не успели удрать вслед за своим королем, взяли и, отобрав у них оружие, посадили на коней. Пока с ними возились в общей зале, маленькая дочка хозяина трактира, незаметная и юркая, как хорек, успела увести двух лошадей прямо из-под носа у людей графа Градиски, за что получила от отца лепешку с салом и чесночную колбаску. Отец же вручил государю объемистый сверток с едой, флягу кьянти – все это вместе стоило не больше одной серебряной монетки, – получил в награду золотую номисму и исчез на кухне.

Все остались довольны. Доволен король, который все-таки не лишился своего любимого жеребца, доволен Вильгельм Этангский, довольны возвращающиеся с добычей к хозяину солдаты, отправленные за путником-французом, доволен и сам пленник, избавленный от необходимости куда-то скакать сломя голову. Доволен остался даже владетель Градиски. Пусть он не смог запереть в своих подземельях пленника, на которого так рассчитывал, но зато заполучил в свое распоряжение отличного рассказчика и собутыльника на ближайшие пару-тройку месяцев – до тех пор, пока до супруги графа Бэтюнского доберется послание и она соберет выкуп. Уже этим вечером он собирался распить со своим пленником бутылочку крепкого речюте амароне и поговорить о войне в Палестине и о жизни в целом.

А Ричард гнал коня на север, к Вене. Он опасался встречи с людьми Генриха VI, потому что помнил, какие неприятности тот ему обещал. Его претензии и

требования, пожалуй, выглядели вполне законными – с неожиданным раскаянием признал король Английский. С другой стороны, выудить сорок тысяч унций золота у скряги-императора было, наверное, попросту невозможно. Нет, правильно, что тогда корона Сицилии досталась Танкреду де Лечче. Но если бы Плантагенет смог распорядиться этой же короной еще раз, он бы отдал ее Генриху, сыну Барбароссы. И пусть бы они с бастардом последнего Гвискара сами выясняли отношения.

Король Английский боялся лишний раз остановиться на постоялом дворе. Известно, что владельцы подобных заведений очень внимательны к своим посетителям – иначе дохода не получишь, – а к знатым и уверенным в себе особенно. Не надеясь больше сойти за купца, Ричард рассчитывал, что ему удастся затеряться в более или менее крупном городе вроде Вены. Кроме того, Австрия казалась ему страной более безопасной, чем Священная Римская империя, поскольку обид, нанесенных Леопольду Австрийскому, он не помнил.

Какое это простое дело – забыть обиды, нанесенные другому. И как это трудно – забыть обиду, нанесенную тебе...

Поскольку Леопольд-то не забыл ничего. У него была удивительно хорошая память, обидчивый характером и бдительная, прекрасно вышколенная стража. В Сирии воевал небольшой отряд австрийских солдат под командованием рыцаря Стефана из Ратисборна, который состоял с герцогом Австрийским в близком родстве – был его племянником. А кроме того, вассалом. Когда его люди захватили одну из башен города, он приказал укрепить на ней знамя своего сеньора. Ричард же, не терпевший никакого ущерба своей славе, приказал знамя сорвать.

Нетрудно догадаться, что известие об этом добралось до герцога довольно быстро. В этом поступке короля Английского ратисборнский рыцарь усмотрел удар по собственной чести и своему сеньору эту историю расписал в красках и с ярым негодованием. И, надо отдать ему должное, сумел зажечь в Леопольде Австрийском такие же чувства, какие испытывал сам.

Но обо всем этом Ричард не знал. А вернее, не помнил.

Он скакал по чужой стране, напуганный охотой, открытой на него, редко слезал с седла, едва смыкал глаза ночью и не давал покоя тем, кто его сопровождал. В

первый день они съели почти все, что дал им с собой трактирщик, и король разразился негодующими выкриками в адрес мошенника, который взял с него золотой и положил в сверток так мало еды. То, что днем раньше он принял этот сверток с удовольствием, нисколько не повлияло на его дурное настроение.

А раз путники не заглядывали по дороге на постоялые дворы, понятное дело, и есть им было нечего. Слуги, сопровождавшие их, умели готовить только самые простые блюда. Но из чего их готовить, если ни в один трактир нельзя заглянуть за припасами? Кроме того, сам король не давал времени на готовку – он гнал своих людей вперед. Скорее, скорее, на Вену, благословенный богатый город, где в толпах крестьян, ремесленников, купцов и солдат, даст бог, затеряется даже могущественный король Англии!

Он был зол как пес, которого раздражили кнутом, и от непривычного голода иной раз доходил до иступления. Но через некоторое время стал опасаться срывать дурное настроение на тех, кто его сопровождал, в том числе и на слугах, потому что один из них, которого он, в ярости на свою горькую судьбу, хорошенько поколотил, к утру умер, а второй удрал, опасаясь, что его постигнет та же участь. Остался только один, самый преданный и, кроме того, отлично умевший говорить по-немецки. Его и пальцем нельзя было тронуть, потому как, если он убежит, кто же будет разговаривать с хозяевами трактиров в Вене? С Вильгельмом Этангским тем более приходилось осторожничать – его обороняло графское достоинство и крепкие кулаки.

Плантагенета поддерживала только сладостная мысль о том, как он отомстит всем сильным мира сего, добравшись до своих владений.

А через несколько дней изнурительного путешествия перед взором измученного Ричарда развернулась величественная панорама крепостных стен Вены. Он так вымотался, что даже не стал прикидывать, как будет захватывать этот город, когда снова окажется в силе. Отметил лишь массивные квадратные башни, высокие стены, сложенные из едва обработанных каменных глыб, скрепленных раствором, и прочные ворота. При желании, конечно, можно взять любой город, но этот дастся не так легко.

«Впрочем, иначе и неинтересно, – подумал Ричард. – Что за удовольствие сражаться с врагом, который мнется, как трава? Что за удовольствие в женщине, которая уступает сразу?» При мысли о женщине он испытал неясное раздражение. Во-первых, потому что хотел есть, а во-вторых, потому что

вспомнил свою жену. Насколько она глупее, чем его мать, мудрая и прекрасная Альенор Аквитанская, насколько она никчемнее... Один толк с принцессы Наварры – приданое.

Вена оказалась большим городом с булыжными мостовыми меж высоких каменных домов, в стенах которых по привычке прорубали совсем маленькие окошки, больше похожие на бойницы. Их скрывали деревянные ставни с набитыми рейками, которые все-таки пропускали немного света. На верхних этажах окна, казалось, были побольше, но и заглянуть в них могли разве что соседи через улицу – из своих окон. На улицах кипела жизнь – катились тележки торговцев зеленью и глиняными горшками, хозяйки препирались из-за выгодной покупки или выясняли отношения из-за белья, кто-то ругался с соседом через улицу.

Улочки попадались всякие – и узкие, по которым только-только пройти, даже тележка проедет едва ли, и широкие, где по сторонам, у самых стен, сделаны канавы для стока нечистот. По осклизлому грязному булыжнику до омерзения противно было бы пройти босиком, но по пути королю и его спутникам встречались те, кто, видно, не имел возможности обзавестись кожаной обувью, – попрошайки, самые отбросы городского общества. Еще царил закон, по которому крестьянин, продержавшись в независимом городе год, месяц и день, становился свободным. Должно быть, среди бедноты Вены таких толклось немало, поскольку этот город не принадлежал никакому сеньору.

Зато трактир оказался богатый – двухэтажный, с несколькими комнатками для постояльцев, которые могли заплатить за подобную роскошь, с мебелью и даже посудой. Хозяин принял путников почтительно, хоть и с легкой насмешкой. Он знал цену рыцарям, возвращающимся из Святой Земли: спеси много, а в карманах свищет ветер. Взгляд его Ричарду не понравился, и он решил, что не стоит расплачиваться здесь византийским золотом. Мало ли что могут подумать...

И слуга короля, владеющий местным наречием, отправился к менялам.

Но слугам, как известно, особое разумение ни к чему. Почувствовав в кармане приятную тяжесть пусть и не своих, но доверенных ему на время больших денег, он представил себя важным человеком. Расхаживая в рядах менял, – здесь сидели сплошь крепкие мужчины с весами и коробами, в которых хранили золото, серебро и медь; за порядком приглядывали стражники, – королевский

слуга надувал щеки и поглядывал высокомерно. Менялы на его взгляды не реагировали. Они никогда не зазывали клиентов. Зачем? К ним и так придут.

В Европе ходило несметное количество разнообразных денег. Их чеканили и короли, и герцоги, и графы, да еще привозили с Востока паломники и купцы – словом, разобраться во всем этом изобилии могли только весы. Монеты оценивались по весу, затем меняла высчитывал равное по стоимости количество местных монет и, конечно, свою долю. В одних городах доля эта определялась городским магистратом, в других – спросом и предложением, но в обоих случаях была невелика. Ибо каждый торговец или хозяин постоялого двора принял бы монету любого достоинства, лишь бы она была по-настоящему серебряной или по-настоящему золотой. Главное – драгоценный металл, а что там на нем написано – неважно.

– Эй, любезный, – окликнул слуга шепотом, считая, что меняла и так должен услышать, если захочет. – Во что оценишь эту монету? – и вынул византийский золотой.

Меняла взял предложенное и бросил на весы. Уравновесил чашечки. Попробовал монету на зуб, оглядел знаки, до блеска натер о свой матерчатый пояс...

– Что за монета? – спросил он.

– Поживее, любезный, – с миной благородного лорда заявил слуга. – Я спешу.

– Что за монета? – невозмутимо повторил меняла.

– Византийская номисма. Разве ты не знаешь? Должен бы.

– Тяжелая. – Флегматичный австриец передал монету соседу. – Стоит никак не меньше французского ливра.

– Больше. Ливры за последние годы измельчали, – рассмеялся сосед.

Меняла открыл короб.

– На что меняешь?

– На серебро. – Слуга поднадул щеки. – Только хватит ли у тебя монет? – Он не удержался и потряс перед глазами собеседника увесистым мешочком.

Глаза у менялы загорелись. Он еще раз осмотрел монету, прикусил ее и снова потер о кушак (за неделю материя на кушаке тяжелела, и тогда он сжигал ткань, а после выковыривал из золы несколько крупинок золота; это был его дополнительный доход). Покосился на приятно побрякивающий мешочек.

– И что у тебя там?

Королевский слуга, не желая отказывать себе в удовольствии, распустил завязки и продемонстрировал целую пригоршню золота.

Но его ожидание не оправдалось. Лицо менялы осталось каменным.

– Откуда у тебя столько золота? – только и спросил он.

– Думаю, это не должно тебя касаться, – надменно бросил англичанин.

Меняла пожал плечами:

– Возможно. Тогда это дело нашего судьи. Сам пойдешь или позвать стражу? – и кивнул на стражника, как раз вытащившего меч – поведение чужестранца ему тоже показалось подозрительным.

Слуга побледнел. Лишь теперь он понял, в какую ловушку угодил, и отвертеться было уже невозможно. На мгновение он со злобой подумал, что уж королю-то его ничто не грозит. Ну подумаешь, подержат в плену, так и угождать небось будут получше, чем папе римскому. Ну выкуп заплатит. Так он богат, как никто. Но потом англичанин представил, что сделает с ним король, если узнает об измене. Ведь рано или поздно он обретет свободу, и тогда изменнику не поздоровится.

– Пожалуйста, – спокойно ответил слуга, хотя внутри у него все оборвалось. – Мне скрывать нечего.

Пока его вели к судье, он успел придумать убедительную версию и в магистрате рассказал о том, что служит богатому купцу, который вот-вот должен прибыть в Вену. Разумеется, нужно приготовить достойный прием. Кроме того, купец подумывает купить здесь дом и поручил своему доверенному лицу все разузнать и осмотреть. Потому и вручил ему мешочек с золотом. Судья, ненадолго вышедший на крыльцо магистрата и слушавший вполуха, в ответ лишь махнул рукой, и королевского слугу освободили. Меняла отдал ему серебро, равнодушно объяснив, что оставил себе пять медных монет за обмен и беспокойство, и англичанин вздохнул с облегчением.

– Где ты задержался, черт тебя побери? – раздраженно спросил его король, мрачно сидящий над кубком вина.

Вино было так себе, кисловатое, и это не добавляло Ричарду хорошего настроения. Кроме того, он заказал поросенка, но хозяин бесцеремонно напомнил постояльцу об обязанности каждого доброго христианина по пятницам обходиться без мясной пищи и предложил запечь карпа.

Ричард терпеть не мог рыбу.

– Государь... – шепотом ответил слуга, но король перебил его:

– Поменял ты монеты?

– Да, государь, но...

– Ты купил на рынке то, что я велел?

– Нет, государь, но...

– Как ты посмел не выполнить моего приказа?

– Ваше величество, меня заподозрили и отвели к судье.

– Ты что-то украл, болван?

– Ваше величество... – Слуга сделал оскорбленное лицо. Нутром чувствуя, что король зависит от него, он стал немного нахальнее. Но притом прекрасно понимал, что перегибать палку не стоит – его господин весьма вспыльчив и в какой-то момент может рубануть, не разбираясь, кто ему нужен, а без кого он может обойтись.

– Тогда зачем тебя потащили к судье?

– Из-за золота. Мне пришлось сказать, что я служу богатому купцу, ваше величество, и что мой господин прибудет лишь через три дня... Ваше величество, люди здесь слишком бдительны. Пусть и большой город, но затеряться здесь, похоже, не так просто. Умоляю, государь, давайте поспешим уехать отсюда!

– Вот еще! – Король фыркнул и сунул нос в кубок. Все-таки вино здесь плохое. Или может, хозяин постоянного двора из осторожности не подает своего лучшего? Ничего, когда увидит настоящее серебро, сразу станет покладистым. – Ты поменял золото?

– Да, ваше величество.

– Так что же еще надо? Больше нет причин нас в чем-либо подозревать. Ты будешь расплачиваться местным серебром... – Он вдруг дотянулся и сжал горло Слуги, да так, что тот разом побагровел. – И не распускать язык. Ты понял меня?

– Да, ваше величество, – прохрипел тот, жалея, что вообще полез с советами. Король ненавидит советы.

– Вот и замечательно. – Плантагенет отпустил слугу и вернулся к своему вину. – Мы вполне можем отдохнуть здесь несколько дней. Никто ни о чем не догадается.

Но как бы Ричард ни старался быть незаметным, он все равно вызывал подозрения. Трактирщик сдержанно поглядывал на него – впрочем, лишь чуть чаще, чем на остальных постояльцев. За слугой, любящим хвастаться деньгами, присматривали попрошайки и беднота, которыми кишели городские улицы и в особенности рынок, – вдруг да решит кинуть монетку. Возможно, если б король Английский внял совету своего слуги и покинул город в тот же день, он еще

побыл бы на свободе... по крайней мере, какое-то время. Но он задержался в Вене, и финал стал неизбежным.

В одно прекрасное утро постоянный двор был окружен войсками герцога Австрийского...

Глава 6

Дик оттолкнулся рукой от пола и вскочил на ноги. Он находился в трактирной комнатухе под самой крышей. Над ним темнели старые стропила, а дальше были видны жерди и солома, покрывавшая крышу. Он понял, что это всего лишь сон, когда увидел кровать, а на ней – крепко спящую Серпиану.

От напряжения у него дрожало все тело, дыхание с хрипом вырывалось из груди. Молодой рыцарь прижал ладонь ко лбу и переступил с ноги на ногу. От его резкого движения девушка проснулась. Она приподнялась на локте, глядя сонно и немного сердито. Она спала в одной камизе,[13 - Камиза – длинная, довольно широкая рубашка с длинными цельно-кроенными рукавами. В Средние века считалась нижним бельем, появиться в ней на людях было неприлично и невозможно. Женская камиза отличалась от мужской только длиной и размерами.] тонкой, сшитой словно бы из настоящего шелка.

– Что с тобой? – спросила она испуганно.

Он молча смотрел на девушку дурными от удивления глазами.

– Что-то случилось? – Серпиана спустила с кровати голые ноги.

– Ничего. – Он очнулся. – Прости, что испугал.

– Что происходит?

– Я видел... Я видел короля, и его путешествие по Империи, и то, как его взяли в плен.

– С ним случилось что-то непоправимое?

– Нет. Но я видел. Это был не сон, сны такими не бывают.

– Они бывают очень разными, – решительно сказала девушка.

– Но это был не сон. Я видел все четко, подробно. Я видел несколько дней его путешествия, от Горицы до Вены, видел все, что...

– Я понимаю, – перебила она. – Но это просто видение, вот и все.

Рыцарь-маг, потирая висок, неотрывно смотрел на свою бывшую невесту.

– Видение, понимаешь? – повторила она, подтягивая одеяло к груди и прикрывая то, что по меркам чопорного Средневековья вполне могло считаться наготой. – Обычное дело. Их можно вызывать и силой воли, если владеешь необходимым умением и концентрацией, понимаешь?

– Понимаю.

Он медленно опустил на свою солому и теперь смотрел на нее снизу вверх. В бледном свете, просачивающемся сквозь рейки ставней, она была волшебной-прекрасной, нежной и трепетной, как утренний туман. Казалось, дунь – и не останется даже следа. И оттого, как она далека от него сейчас, хоть лежит под одеялом на расстоянии вытянутой руки, было больно.

– Прости меня.

– За что? – Серпиана приподняла бровь. Девушка была спокойна, но почему же ему все казалось, что она вот-вот обернется огромным черным удавом?

– За то, как я вернул тебя к жизни. Прости меня.

– Как я могу на тебя сердиться? Ведь ты фактически дал мне вторую жизнь.

– Но вопрос в том, как именно это произошло. То, что я сделал, просто издевательство.

– Ты не знал, – ответила она. В изгибе ее темных губ витала ирония, легкая насмешка, но не над ним – над собой.

– Прости меня. – Он протянул к ней ладонь.

Она вздохнула и пожала его пальцы.

– Все в порядке. К этому надо просто привыкнуть.

– К чему? Ведь все уже исправлено.

– Да, конечно. – Она отвернулась и улеглась на тюфяке. – Позволь, я все-таки досплю.

Он замолчал.

А наутро они двинулись дальше – мимо Реккьо и горы Монтальто, мимо Мелиды и аббатства Святой Троицы. Трагерну пришлось купить лошадь. Средств у Дика хватило бы и на французского жеребца, которого в Мелиде предлагали за огромные деньги – двадцать три ливра, – но друид предпочел спокойного итальянского меринка с лохматой гривой и пушистым хвостом, послушного и ласкового. Герефорд не торговался, поэтому в придачу торговец дал ему седло и сбрую.

Дороги в Калабрии были на удивление хороши – почти нет выбоин, мало пыли, земл, выжженная солнцем до звонкости терракоты, красивые кусты, растущие по обочинам. Дальше тянулись оливковые рощи, пашни и пастбища, иногда деревеньки, прячущие от чужих глаз соломенные крыши в зарослях фруктовых деревьев. Все это они уже видели на пути в Мессину, но тогда Дик не имел возможности всматриваться – он был очень занят. При таком беспокойном короле, как Ричард, до созерцания окрестностей дело не доходило. Теперь он с удовольствием вертел головой, то и дело тянулся за веточкой оливы или цветком шиповника – просто так, от полноты чувств.

Трагерн тоже с удовольствием полюбовался бы на освещенную ярким солнцем Калабрию, но торговец, который продал им коня, похоже, решил сэкономить на седле и всучил им негодное. Теперь на нем постоянно ослабевал ремешок. Сам друид даже не пытался его поправить, объясняя, что во всей этой сбруе понимает меньше, чем в телегах.

– На чем же ездят эти ваши друиды? – спросил Дик, соскакивая на землю и пытаясь затянуть подпругу.

С тихим щелчком ремень лопнул, конец его шлепнул мерина по боку. Тот взбрыкнул и обиженно покосился на человека.

– Спокойно, одр! Ну вот, приехали. Снимай.

Трагерн помог другу снять с конька седло.

– И что теперь?

– Чинить, конечно. – Дик огляделся. – Должен же здесь быть какой-нибудь трактир... Нам надо остановиться и заняться торным ремеслом. Заодно и поедем.

– Вон там. – Серпиана, зрение у которой было острым, как у ястреба, махнула рукой вдоль дороги.

– Очень хорошо, – обрадовался Дик. – Идем.

Конька пришлось вести в поводу. Друид заявил было, что отлично умеет ездить и без седла, но не учел, что его новый меринок не привык к такому обращению. Когда хозяин попытался закинуть ногу ему на круп, животное взбрыкнуло и отскочило в сторону. Трагерн не удержался на ногах и шлепнулся в пыль. Повторять попытку он не стал и согласился идти пешком.

Путники добрались до постоялого двора. Это был небольшой глинобитный домик, крытый свежей соломой, еще не успевшей потемнеть от времени. Прячась в зарослях ежевики и винограда, он выглядел таким уютным, что пройти мимо него казалось невозможным. Хотелось подобраться поближе к

накаленной солнцем серой стенке построечки, свернуться клубком и уснуть, если уж не хватает медяков заплатить за ужин и постой. У входа в трактир молодая женщина в зеленом платье развешивала мокрое белье. Она обернулась, тряхнув длинными черными косами из-под белого платка, и замахала рукой.

– Подходите, господа, – крикнула она на французском. – Здесь и ужин, и отдых, и если что не в порядке, мой хозяин поможет исправить.

И тут увидела Дика. Ее глаза расширились от изумления, и, уронив в пыль мокрую свежестиранную камизу, она кинулась к нему. С визгом повисла на шее.

Ошеломленный, молодой рыцарь машинально приобнял ее за талию, потом заметил взгляд Серпианы и убрал руку. Чернокосая девушка в сбившемся на затылок платке подняла залитое слезами лицо, и он увидел в ее глазах настоящий восторг. Казалось, она любит его, но не как возлюбленная, а как, может быть, мать, дождавшаяся сына из далеких стран, или пленница, увидевшая избавителя.

В следующий миг Герефорд подумал, что она ошиблась. Но выражение счастья было таким неподдельным, что у него просто не поднялась рука оттолкнуть ее. Молодой рыцарь осторожно обнял ее за талию и поставил на дорогу. Она не сопротивлялась.

Из дверей выглянул высокий молодой парень с куском полотна через плечо и широким поясом – должно быть, хозяин трактира и, наверное, муж порывистой итальянки (судя по ее платку, она и в самом деле замужем). Вспомнив о горячем нраве местных жителей, Дик отступил на шаг, потому что вовсе не желал спорить с каким-нибудь трактирщиком из-за женщины, которая к тому же совсем ему не нужна. Но парень и не подумал хватать колун и кидаться в драку. Он прислонился к притолоке и стал смотреть.

– Salve! Salve, francese! Salve, milite![14 - Здравствуй! Здравствуй, француз! Здравствуй, солдат! (Ит.)] – радостно кричала она, и Дик начал смутно о чем-то догадываться. Кажется, она и в самом деле знает его. И кажется, он ее тоже. Просто не помнит.

– Я не француз, – сказал он.

– Ну да, конечно, ты же воин короля Риккардо! – обрадовалась девица, ловко управляясь со словами французского языка. – Ты англичанин. Но английского я не знаю.

– Оно и понятно.

Дик все ломал голову, где же он ее видел. Лицо не казалось ему знакомым, а вот голос... повадки... и волосы...

А она, словно почувствовав его мучения, отступила на шаг и с улыбкой назвалась:

– Джиованна. Джиованна. Ты помнишь? Мы ехали из аббатства Святой Троицы. Ты вез меня в мою деревню почти с самого ложа короля Риккардо. – И прыснула. Казалось, то, что прежде вызывало у нее дрожь колен, бессильные слезы и желание броситься в омут, теперь стало лишь поводом для шуток.

А он вспомнил. Конечно, это же та самая девушка, которую приказал поймать и привести к себе его отец и король. Та самая, которую он пожалел, насыпал полную горсть золота и довез до дома, потому что сомневался, что она пешком доберется до родительского крова живой и невредимой. Он уже почти забыл это происшествие. А она, оказывается, помнит.

– Добро пожаловать, – твердила Джиованна. – Входите и будьте гостями. Ты должен посмотреть мое хозяйство, воин. Если бы не ты, у меня не было бы ни мужа, ни трактира. Входите, входите, не по жалеете. У нас лучшие колбасы в Калабрии. – И убежала в трактир. Видимо, готовить угощение.

– Где-то я это уже слышал, – пробормотал Трагерн, подтягивая своего меринка к коновязи. Он растерянно оглянулся на друга – такое радушное и настойчивое приглашение его даже испугало.

Дик заметил его взгляд и мотнул головой:

– Ну заводи коня. Мы же все равно собирались где-нибудь остановиться на отдых.

Полный сомнений и самых мрачных предположений, друид повел всех трех коней на конюшню. Арабский жеребец, принадлежащий Серпиане, немного нервничал. Он оглядывался и поджимал задние ноги. Но хозяйка впервые не обращала на него никакого внимания. Она холодно смотрела на Дика.

– Я вижу, ты ее знаешь.

– Знаком, – согласился он, медля у коновязи.

– Ты не хочешь говорить об этом? Мне не вставать между вами?

Молодой рыцарь с удивлением смотрел на свою возлюбленную. Ее губы дрожали, а во взгляде была такая ярость, какой он прежде никогда не видел, тем более у нее, мягкой и всегда сдержанной. Но пламя ее ярости соседствовало с таким холодом, что даже притронуться к ней было страшно.

– О чем ты говоришь? Джиованна, в конце концов, замужем.

– Это единственное, что тебя останавливает?

Он посмотрел на нее:

– Я думал, мои слова для тебя все-таки что-то значат. Я говорил, что люблю тебя. Впрочем, могу и повторить. Причин сомневаться во мне, кажется, у тебя нет никаких.

– Никаких причин? Эта замужняя женщина вешается тебе на шею!

– Итальянки очень импульсивны. У меня с ней ничего не было.

– Тогда почему?!

– Помнишь, как мы ехали с королем по Калабрии в Мессину? Близ Мелиды он приказал своим людям прихватить трех девиц. Джиованна была в их числе.

Ярость из взгляда Серпианы постепенно ушла, как огонек свечи, на который дули-дули и наконец задули. Губы ее все еще дрожали, но Дику показалось, что это происходит уже по другой причине, нежели раньше.

– Так вот что она имела в виду, говоря о ложе короля Ричарда? Странное у нее отношение к случившемуся. Со смехом...

– Тогда у нее было другое отношение.

– Так это ты способствовал возвращению ее веры в лучшее? – язвительно произнесла девушка. Казалось, она провоцирует его на грандиозную ссору.

Ему это надоело.

– Прекрати, – сказал он.

Она осеклась. Неизвестно, что было в его голосе такого, но она немедленно подчинилась, и не со злостью или раздражением. И то и другое ушло в один миг, словно по мановению руки мага. Осталось только смущение. В этот момент он видел ее насквозь: его возлюбленная мучилась сомнением – порвать с ним или нет, – и скандал мог облегчить ей выбор. Она жаждала хоть какого-нибудь выхода, неустойчивость ситуации была для нее тягостна.

Дик взял ее ладонь в свою и мягко поцеловал. В его поцелуе была только нежность, только восхищение и признание того, что она – первая и единственная, выше всех первых и единственных на свете. Серпиана зарделась.

– В ту ночь я вывел Джиованну из аббатства Святой Троицы и повез в деревню. У нас был очень короткий разговор. Я говорил ей, что случившееся – не повод ставить на себе крест, что удача еще повернется к ней лицом. Еще я дал ей денег. Золото. Не помню, сколько. Это все.

Девушка кивнула в знак того, что верит, и он заметил, что ее глаза стали еще больше от напитавшей их соленой влаги.

Из низенькой дверки трактира вынырнула Джиованна с огромным блюдом на ладони правой руки и со свернутым грубым покрывалом в левой. Она радушно

улыбалась.

– Решили на солнышке остаться? И правильно. – Итальянка махнула тяжелым покрывалом. – Вон там, под виноградными лозами, будет очень даже уютно.

На утопанную траву ложилась резная тень от листьев винограда, по крепко вкопанным шестам тянущегося к небу. Джиованна расстелила покрывало прямо на земле, ловко управляясь левой рукой, и аккуратно поставила поднос. Оплетенная соломкой фляга кьянти, стопка горячих лепешек, колбаски, жареные перцы и кружочки моркови, соленый овечий сыр, большой кусок пирога с эндивием, спелыми оливками и изюмом... Это был замечательный ужин. Улыбающаяся итальянка с поклоном подала Серпиане тонкостенный глиняный бокал, и та, растерявшись, взяла его.

– Попробуйте, – предложила итальянка. – Лучшее кьянти из того, что могут предложить в деревенских трактирах. Густое и сладкое. Попробуйте, синьора.

– Ана! – Из-за угла трактира вывернул Трагерн и замахал рукой. – Иди успокой своего жеребца!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Дерьмо (фр.)

2

Кокотка! Распутница! (Фр.)

3

...выкидышу племени Канет? С какой стати? (Фр.)

4

Нарамник – верхняя одежда, состоящая из сложенного вдвое длинного куска ткани с отверстием для головы на месте сгиба. Нарамник обычно был заткан гербами владельца. Он надевался в том числе и поверх кольчуги.

5

И по-английски, и по-французски это слово – пират – пишется одинаково.

6

Ах, черт возьми! (Фр.)

7

Сюрко – сшитый в боках длинный нарамник без рукавов или с ложными рукавами.

8

Котта – широкая туника, надеваемая на нижнюю рубашку

9

Кому было выгодно преступление, тот его и совершил (лит.).

10

Господин граф (фр.).

11

«По тосканскому обычаю» (ит.).

12

Грязная тварь! Подлец! Мерзавец! (Фр.)

Камиза – длинная, довольно широкая рубашка с длинными цельно-кроенными рукавами. В Средние века считалась нижним бельем, появиться в ней на людях было неприлично и невозможно. Женская камиза отличалась от мужской только длиной и размерами.

Здравствуй! Здравствуй, француз! Здравствуй, солдат! (Ит.)

Купить: https://tellnovel.com/ru/koval-chuk_igor/skitalec

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)